

Оли Сильвинд

МИНДАЛЬ ЛЮБИТ ЯБЛОКИ

Городское фэнтези

Оли Сильвинд

Миндаль любит яблоки

«Автор»

2024

Сильвинд О.

Миндаль любит яблоки / О. Сильвинд — «Автор», 2024

Есения каждый день дарит окружающим маленькие чудеса и не представляет своей жизни без магии. Но однажды талисман, дающий ей силу, похищают. Вместе с Анджеем - скрытным мрачным парнем, тоже потерявшим свой дар, и его волчицей Агатой, Есении придется отправиться на поиски утраченной магии и сделать ужасный выбор. Это книга об одиночестве и нахождении себя. О том, определяемся ли мы нашими воспоминаниями. И о цене магии и памяти.

© Сильвинд О., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Об украденных жвачках и военныхботинках.	5
Глава 2. О маленьких кафе и красных пятнах.	13
Глава 3. Об альтруистах и беспорядке вквартире.	19
Глава 4. О сигаретном дыме и бездомных птенцах.	27
Глава 5. О тортах, доверии и подарочных детях	36
Глава 6. Об античных статуях, самолетиках и кактусе поимени	43
Абстракционизм	
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Оли Сильвинд

Миндаль любит яблоки

Глава 1. Об украденных жвачках и военных ботинках.

В очереди перед кассой шумно. Глаза разбегаются от множества жвачек в разноцветных обертках. Девочка долго смотрит на упаковки. Ее глаза боковым зрением цепляют кассира – уставшую от работы (и в целом от жизни) женщину, которая уставившись ненавидящим взглядом в монитор, не замечает ничего вокруг себя.

Девочка оглядывается на очередь. Сзади – скучающая девушка из тех, что можно встретить в парке с настоящей печатной книгой на коленях. Ее почему-то очень легко там представить, даже несмотря на то, что она постоянно поглядывает в телефон. Девочка нервно поводит плечами. Большеглазый котенок-брелок на ее рюкзаке слегка подпрыгивает.

Она осторожно вытаскивает несколько упаковок жвачки и опускает их в карман, сохраняя невозмутимый вид. Расплатившись, девочка отходит от кассы нарочито медленно, будто ничего не произошло.

- Подождите! – окликают ее сзади. Она поворачивается. На секунду сердце замирает, будто собирается остановиться совсем.

Книжная девушка сзади нее с улыбкой протягивает глянцевый пакетик с черным молотым перцем.

- Вы оставили.

Девочка пересекается с ней взглядом и замирает, не в силах оторвать взгляда от ее глаз. В душе вспыхивает резкий, чужеродный страх.

Заметила.

Она заметила.

Девочка негнущимися пальцами забирает пакетик. Практически бегом она спускается с крыльца и засовывает руку в карман, перехватив бутылку с молоком.

В кармане рука встречает только ключи от дома и окружающую их пустоту.

Книжная девушка высыпает на кассовую ленту горку упаковок жвачки и под удивленным взглядом кассирши начинает раскладывать их по полкам.

В парке разгар осени. Оранжевые листья, влекомые ветром, падают в лужи, задерживаются на поверхности воды, как корабли маленьких эльфов. Один из них запутывается в каштановых волосах книжной девушки.

Она встряхивает рюкзак, заставляя лямки лечь ровнее и бодро шагает дальше, наступая на лужи. От внезапного вторжения листья-корабли покачиваются, но не тонут.

Девушка поудобнее перехватывает новую, только что купленную книгу. Похитительница жвачек была права – в ее глазах было что-то, что выдавало ее любовь к чтению. Возможно, спокойная мечтательность и слегка сведенные в тягучей грусти брови? Или, может быть, невидящий взгляд в пустоту. Словно она не здесь, а где-то в придуманных, несуществующих мирах.

Короткие, вьющиеся на концах волосы дополняют впечатление, заставляя щеки казаться круглее. От этого выражение лица кажется бесконечно наивным. Пушистый кардиган с небольшой нашивкой в виде кролика, выбивающийся из-под расстегнутой куртки только усиливает ощущение мягкости.

Она погружена в себя настолько глубоко, что даже не замечает, что легкие кеды уже полностью промокли. Ее волнует маленькая воровка.

Девушка никогда еще не встречала воров – по крайней мере, она так думает. Но в тот момент, когда они встретились глазами, ей стало не по себе. Взгляд у девочки был холодным и не по-детски пронизывающим.

На секунду ей даже показалось, что она увидела еще что-то темное за ее зрачками, но это ощущение было мимолетным.

Если маленькая девочка, ворующая в магазинах выглядит так – то как же должно быть страшно смотреть на убийц?

Ее внимание привлекает движение в траве, и взгляд тут же становится осмысленным. Небольшая белка, по виду – явный неуклюжий беличий подросток – сосредоточенно раскапывает лапами землю. Девушка останавливается. Ее рука будто бы непроизвольно касается широкого плетеного браслета. Указательный палец проводит по металлической подвеске с выбитой на ней руной.

Время не пощадило подвеску: она настолько исцарапана, что узор едва виден, но пальцы девушки безошибочно повторяют его очертания. Она знает этот рисунок наизусть – начертила бы даже если бы ее разбудили среди ночи.

Поверх необычного браслета есть еще один. Узкий, с мелким плетением, свободный настолько, что болтается на руке. Бабушкин подарок.

- Ничего ведь не случится, если я тебе немного помогу, правда? – заговорщически шепчет девушка в сторону белки.

Белка на это реагирует философски, то есть никак, разрывая лапами опавшие листья. В этом парке белок можно назвать как угодно, но не дикими животными. Они настолько привыкли к людям, что уже не обращают на них внимания. Иногда выбегают на дорожки и носятся по ним, играя в догонялки. Бывает, даже обгоняя случайных людей, прогуливающихся по парку.

Девушка мнется, а потом решительно встряхивает волосами. Пылающий оранжевым лист медленно опускается на мокрый асфальт дорожки.

- Ладно, бабушка все равно не узнает! – убеждает девушка сама себя и, прикоснувшись к руне снова, шепчет что-то одними губами.

Белка перестает копать и замирает в удивлении. Девушка присаживается на корточки и раскрывает ладонь, на которой выросла небольшая горка орехов. Белка подбегает к ней и встает на задние лапки, с подозрением обнюхивая протянутую руку. Впрочем, она быстро сдается, принимая подарок судьбы. В этом плане животные гораздо умнее людей. Они не спрашивают «почему» или «за что». Для них существует лишь внезапно свалившееся на голову счастье, которое нужно быстро хватать, пока не исчезло.

Белка разгрызает пару орехов и лезет обследовать ее рукав. Девушка ссыпает оставшиеся орехи на землю и отодвигается. Она осторожно достает телефон и делает пару фотографий, стараясь не спугнуть зверька. Белка кое-где смазана от резких движений, но Есении фото нравятся.

Только когда кучка орехов иссякает, переключившись в запасы зверька, она встает и уходит. По пути она срывает пару почти покрасневших кленовых листьев.

Конечно же, она оглядывается, но белки больше не видно.

Вернувшись домой, она очень тихо прикрывает за собой дверь. Бесшумно переобувается, сжимает в руке горсть осенних листьев и осторожно, на цыпочках, крадется к своей комнате

мимо закрытой двери. Она не издает ни звука. Пол тоже не выдает ее присутствия, но из комнаты все равно раздается требовательный голос:

- Есения, зайди ко мне.

Девушка обиженно вздыхает, как ребенок, пойманный на месте преступления. Она позволяет лякам рюкзака соскользнуть, перехватив его, и заглядывает в комнату.

- Да, бабуль?

В комнате темно, как и всегда. Окна закрыты плотными шторами, душащими любой лучик света, осмеливающийся сюда проникнуть. Нос щекочет пряный запах каких-то трав. Есении всегда было интересно, что это за травы, но бабушка секретов не раскрывала, предпочитая улыбаться многозначительной улыбкой. Она всегда так делает, когда не хочет о чем-то говорить – притворяется, что просто не услышала. На шкафу, на зеркале, на обоях в мелкий, истершийся от времени цветочек – повсюду мелькают алеющие в темноте руны. Однажды Есения попыталась выведать у бабушки, не кровь ли это, на что получила довольное хмыканье и совсем не волшебное признание: «Красный маркер». Больше вопросов Есения не задавала, чтобы не разрушать ведьминское очарование бабушкиной комнаты.

Бабушка поправляет на плечах сползшую шаль. Она поворачивает голову к Есении, будто бы ища ее взглядом, но это лишь видимость. Бабушка абсолютно слепа с тех пор, как когда-то, давным-давно, получила свою особую силу.

- Ты принесла? – взволнованно спрашивает она. Узловатые морщинистые пальцы перебирают кружево шали.

Есения расслабляется.

- Конечно. Все как ты просила.

Она присаживается на корточки перед бабушкой и протягивает ей слегка помятые апельсиновые листья. Пальцы бабушки оживают, касаясь шероховатой поверхности с множеством жилок. Поглаживают неровный край листа.

- Клены уже апельсиновые...? – задумчиво говорит она в пустоту. – Хорошо...

Есению не удивляет, что бабушка знает цвет листьев. Да, она не могла видеть глазами, но это никогда не мешало ей знать обо всем, что происходит перед ней. Дар *видеть* – тяжелый дар. *Видящие* знают о многих вещах, сокрытых от остальных, но неизменно платят за это чем-то ценным. Зрение. Возможность ходить. Слух. Мало ли у человека ценностей, принадлежащих ему с рождения.

Есении эта сделка кажется заведомо нечестной. Видящие даже не могут колдовать. Они могут лишь указать на почти погасшую надежду в человеческом сердце.

Разве это честно – не иметь возможности лицезреть этот прекрасный мир, получая взамен лишь способность понять, кто нуждается в помощи?

Есения выжидает пару минут и начинает подниматься, но рука бабушки неожиданно сильно вцепляется в ее запястье.

- Вот скажи на милость, и зачем тебе сдалась эта белка?

«Влипла», - обреченно думает Есения. «Снова целый час лекцию слушать...»

Конечно, она понимала, что дома ее отчитают, но ведь бельчонок был такой милый! Для бабушки это наверняка не аргумент. У нее множество правил, и первое, самое главное из них – «не тратить силу на ерунду». Бабушка твердила это с того момента, когда впервые рассказала ей о волшебном даре, передающемся в семье из поколения в поколение.

Средоточием его был талисман – рунический браслет. По рассказам бабушки, его сплел первый владелец силы, чтобы передать дар своей дочери.

Маленькой Есении магический дар казался сказкой. Затаив дыхание, она слушала бабушкины истории, глядя на колыхающееся пламя свечи и вдыхая запах трав. Подумать только, стоит лишь пожелать, и желание тут же исполнится!

В каком же она была восторге, когда наконец-то получила долгожданный дар!

- Я знаю, бабушка, - поспешно проговорила Есения. – Это было ужасно неправильно, магию не стоит использовать по пустякам, да и вообще я безответственная и не понимаю, для чего мне это дано. Я просто не понимаю, зачем нам дана сила, если ее нельзя использовать, чтобы помочь *тому, кому хочешь*, а не *кому нужно*. Разве той продавщице помощь была нужна больше, чем бельчонку?

Бабушка молча выслушала ее тираду. Лишь ноздри ее тонкого, удивительно аристократического носа мелко подрагивали.

- Если я увидела, что сегодня ты должна помочь ей – значит, да, именно *ей* была нужна помощь. Или ты будешь спорить?

Есения вздохнула, вскидывая на нее погрустневшие глаза.

- Я не понимаю, почему так.

Пальцы бабушки успокаивающе погладили ее по руке. Талисман привычно нагрелся, ощутив силу Видящей.

- Ты идеалистичный ребенок, Есения.

- Я не ребенок. Мне уже семнадцать исполнилось, - возражает Есения и тут же прикусывает язык.

Вот это уж точно звучало по-детски.

Бабушка игнорирует ее небольшое замечание. Ее губы нервно подрагивают.

- Почему так? Я тоже многого не понимаю. Если хочешь знать, на мой взгляд, эта мелочь не стоила того, чтобы применять магию. Но я увидела, что ты должна была быть там. Значит, так и должно было случиться.

Ее голос приобретает жесткие нотки. Будто в каждой фразе продеты тонкие звенящие нити серебра.

- Ради жвачки? – воскликнула Есения.

- Да ради чего угодно! – повысила голос бабушка. – Нам не дано знать, почему именно эта ситуация. Все, что от нас требуется – выполнять! А не заниматься самодеятельностью!

- Но ведь это было один раз! – горячо возражает Есения. – За один раз не случится ничего плохого!

Бабушка вздыхает.

- Я уже говорила тебе: когда ты используешь силу по своей воле, а не по воле Видящего, ответственность за это несешь ты. И платить за эту силу тоже тебе. Кто знает, что может случиться?

- Не пугай меня, мне не страшно! – говорит Есения, подходя к двери. Ее ладонь ощущает гладкую деревянную поверхность.

Когда-то у бабушки был магический дар, и Есения понимала – она знает, о чем говорит. Зрение стало ее платой за то, чтобы *увидеть*. А Есения – ее руками, творящими добро.

Бабушка остается неподвижной. Есения выходит, проведя напоследок пальцами по дверному косяку.

«...Много думаю о бабушкиных словах. Это же действительно нечестно! У тебя есть сила, возможность помочь, но нет – нельзя!», - записывает Есения, покусывая колпачок ручки.

Хорошо, что бабушка не может прочитать ее дневник – мысли здесь иногда бывают крамольными.

Иногда все же Есении кажется, что та и так прекрасно знает, о чем она пишет – все же Видящие не просто так называются Видящими. Если и так, то она никогда об этом не говорит. И спасибо ей хотя бы за это.

Дневник, впрочем, ведется от случая к случаю. У Есенин просто не хватает дисциплины, чтобы садиться и записывать каждый день.

Ей это и не нужно – гораздо больше она любит фотографировать. Записи встречаются не так часто, а вот фото она клеивает за каждый день, пусть и надо ходить и распечатывать их.

Оставив на странице место – она уже решила, что там будет фото белки, Есенин дописывает сбоку случайные мысли, которые ей хочется запомнить.

«Иногда мне хочется ходить по улице и смотреть на людей. Чем больше я наблюдаю, тем больше мне кажется, что люди изо всех сил стараются замаскироваться. Некоторые из них яркие, выделяющиеся из толпы, но потухшие внутри, со страданием во взгляде. А некоторые наоборот – простые внешне, а внутри сияющие, как маленькое солнце. За это я их и люблю. В них есть загадка, которую хочется разгадать».

- Ой! – вскрикивает Есенин и роняет ручку, ощутив прикосновение холодного носа к ноге. – Миндаль, ты чего пугаешь?!

Кролика испуг не смущает. Он усаживается у ее ноги и, оперевшись теплым пушистым боком, принимается глубокомысленно умываться.

Кролики должны быть пугливыми. Это аксиома, закреплённая в животном мире, но Миндаль, похоже, не знает об этом. По поведению он всегда больше напоминал кота, чем кролика: Миндаль любил подойти и ткнуть ее носом в руку, тонко намекая, чтобы его погладили. Когда она ложилась на кровать с книгой, Миндаль запрыгивал и ложился недалеко от ее рук. Пока она читала, кролик всегда лежал рядом, а в его выпуклых темных глазах отражался свет.

Есенин сползает на пол и гладит кролика по пушистой шерстке. Спинай она опирается на письменный стол, который ощущается не очень приятно, но ради Миндаля можно и потерпеть. Все равно голова немного кружится, как и всегда после использования дара.

Комната у Есенин небольшая, а когда опускаешься на пол, она кажется еще меньше. Самое любимое ее место в комнате – письменный стол рядом с окном. С ее ракурса сейчас прекрасно видны поблекшие каракули, нацарапанные на нижней поверхности столешницы. Это сделала сама Есенин, когда еще была настолько маленькой, чтобы свободно помещаться под столом и, задрав голову, разрисовывать ручкой дерево. Временами она любит заглядывать под столешницу и смотреть на эти бессмысленные рисунки. Небольшой привет из детства.

Над столом висит пробковая доска, туда она наклеила кучу фотографий и наклеек. Сбоку небольшой шкафчик, тоже обклеенный стикерами – особенно она любит с растениями и звездами.

Рядом со столом стоит клетка Миндаля, в которой он проводит минут пять за весь день. Кролик не любит бегать, но он с удовольствием лежит под письменным столом, сливаясь коричневой шерстью с темнотой. Его выдает только белое пятно на мордочке, мерцающая в полумраке как светоотражатель на детском рюкзаке. Есенину это пятно смешит – ну правда, на полностью темном кролике – одно белое пятно! Будто природа решила, что он должен быть пятнистым, но после первого пятна передумала.

По комнате художественно расставлены небольшие цветочные горшочки. Последнее время она увлекается... нельзя даже сказать «садоводством» или «выращиванием растений». Она увлекается чувством создания чего-то нового. Каждый появившийся из земли росток – ее небольшая победа.

Против воли Есенин задумывается о белке. Она сама не знает, почему переживает. Ну что может случиться со зверьком в парке? Но тревожный голосок памяти нашептывает бабушкины слова: «Кто знает, что может случиться?». За себя она почему-то не боится.

- Глупая я, Миндаль, - говорит Есенин, почесывая кролика. – Но, может, все-таки сходить? Все равно надо фото распечатать.

Миндаль жмурится. Ему-то точно нет дела до какой-то непонятной белки в парке. Есения надевает на него прогулочную шлейку, взяв кролика на руки, пытается тихо пробраться к входной двери.

- Есения! Ты куда? – тут же реагирует бабушка.

Не вышло.

- За фотографиями и заодно прогуляюсь с Миндалем!

- В парке?

- Да! – отзывается Есения, торопливо справляясь со шнурками. Нужно уйти как можно быстрее, не дав бабушке шанса расспросить подробнее. Почему-то Есения чувствует, что бабушка посчитает ее опасения глупыми и ничего не стоящими. Узкий браслет, тот, который бабушкин, мешает и раздражает. Она снимает его и оставляет на тумбочке у входа. Вернется – наденет снова.

- Не ходи в глубину парка! Ни при каких обстоятельствах! Ты меня поняла?

В ее голосе звучит испуг. Пальцы Есении замирают, зашнуровав ботинки наполовину. Если бабушку что-то напугало.., то ее слова, вероятно, *не совсем ее*. Бабушка, как Видящая, прекрасно ощущает опасность.

- Есения, ты меня поняла? – бабушкин голос приобретает стальные нотки.

- Да, хорошо! – откликается она, торопливо делая мысленную отметку. Не ходить в глубь парка. Да она и не собиралась.

На улице шлейка Миндаля оказывается предательски перегрызена. Есения укоризненно смотрит на кролика, совсем не выглядящего виноватым. Возвращаться не хочется.

Есения бросает быстрый взгляд на окна своей квартиры. Бабушки не видно, но... кого она обманывает, бабушка все равно узнает.

- Ну и ладно! – фыркает Есения. – Расплачиваться все равно мне, а не ей.

Она касается потеплевшими пальцами шлейки, поглаживая расплзшиеся нитки, снова становящиеся единым целым. Руна на браслете-талисмানে нагревается. Кожу запястья обдает теплом.

Миндаль обнюхивает восстановившуюся шлейку и презрительно чихает. Весь его вид говорит о том, что целой она пробудет недолго.

С фотографиями она справляется быстро, и они занимают свое место в рюкзаке. До парка минут десять ходьбы, так что дорога не кажется долгой.

У скамеек Есения спускает кролика с рук. Миндаль любознательно нюхает опавшие листья. Есения терпеливо наблюдает за ним. В последнее время она берет Миндаля на прогулки почаще, пока не очень холодно. Потом начнутся вечные дожди и слякоть, а за ними – бесконечная зима.

Краем глаза она наблюдает за деревьями, где сегодня видела белку. Есения и сама не знает, на что надеется. Говорят, даже в одну реку нельзя войти дважды, а она хочет найти белку на том же месте, где та была несколько часов назад. На огромной территории парка. Величайший самообман.

Голова чуть кружится и, проведя рукой по носу, Есения видит пару размазанных капель крови. Последнее время у нее часто идет кровь из носа. Есения сдается и ищет глазами скамейку, чтобы присесть вместе с кроликом. В паркелюдно, так что единственное свободное место оказывается рядом с пожилым мужчиной, меланхолично смотрящим вдаль.

Есения бросает на него быстрый взгляд. Мужчина потухший. В глубине его глаз – только болезненное смирение. Ветер треплет его короткие седые волосы, торчащие редющим ежи-

ком, но мужчина этого будто не замечает. Даже не надевает шапку, а зачем-то прижимает ее к груди.

Когда Есения опускается на скамейку, он не шевелится, не заметив ее присутствия. Миндаль встряхивает ушами и начинает умывать мордочку.

- С кроликом гуляете? – словно очнувшись от сна, спрашивает мужчина.

Есения осторожно кивает, улынувшись. Смысл очевидных вопросов всегда в том, чтобы найти повод заговорить. Мужчина осторожно протягивает руку. Миндаль принимает поглаживания благосклонно. Только шевелящийся нос выдает легкую настороженность

- Расскажите о нем что-нибудь, - внезапно просит мужчина, поднимая на нее глаза. Совсем светлые, почти прозрачные. Есению такие глаза пугают. Кажется, что сквозь них можно увидеть душу.

- Ну... Его зовут Миндаль. Миндаль любит спать на диване целыми днями. Я иногда вывожу его на улицу, - осторожно начинает она, – чтобы побегал, а то засидится совсем.

Мужчина слушает, опустив седеющую голову. Его пальцы мелко подрагивают.

Есения продолжает говорить, но он будто не слушает. И все же, она чувствует, что не может остановиться, пока не может. Его погасшие глаза не дают замолчать. Ему это нужно.

- Миндаль любит сушеные фрукты... особенно яблоки. Да, больше всего Миндаль любит яблоки. Он без ума от них.

Она замолкает, не зная, что говорить дальше, но мужчина внезапно оживляется, растягивая потрескавшиеся губы в улыбке.

- Моя внучка тоже хотела кролика. Она маленькая еще, не такая, как вы. Одиннадцать лет. В музыкальной школе учится.

В его голосе звучит глухая, забитая гордость.

- Молодец она, - улыбается Есения.

- Молодец, - эхом откликается мужчина. – Не знаю, где она сейчас. Давно уже не видел. Кажется, год... Не помню.

Он замолкает, снова глядя вдаль. Есению затапливает жалость и ощущение несправедливости. Ее пальцы находят браслет и привычно теплеют, когда она заглядывает в глубину глаз мужчины, попросив, чтобы ему стало легче.

Его глаза оживают. Совсем немного. В его холодных глазах ворочается что-то тяжелое и подавленное.

Он качает головой, ранено улынувшись самому себе и уходит, не сказав больше ни слова. Есения смотрит вслед и ее душит чувство разочарования. Магия не помогла так, как она ожидала.

Прежде чем она успевает подумать, ее руки достают телефон и делают фото уходящей вдаль фигуры в темном плаще. Ей хочется помнить. Хочется думать об этой случайной встрече и том, что она значила.

В наш век фотографии уже не ценятся как раньше. Можно запечатлеть что угодно одним нажатием. Мгновенно. Раньше людям приходилось часами стоять на одном месте. Все ради того, чтобы сделать зарубку в памяти и остановить течение времени хоть на чуть-чуть. Запечатлеть себя в том моменте, где ты был счастлив, молод и полон жизни.

Фото выходят не идеальными, но такие она и собирает. Красивые постановочные фотографии для нее ощущаются неживыми. Слишком много на них подготовки. Самые искренние – смазанные, сделанные второпях снимки.

Ее руки безвольно лежат на коленях. Миндаль, обнюхивает их, замирает и резко, будто почувствовав слабость, срывается с места.

- Миндаль! Стой!

Кроличий хвост мелькает светлым пятном в траве. За ним тащится шлейка. Есения бросается следом. Она старается не думать о том, что Миндаль ведет ее в глубину парка. Туда, куда она пообещала бабушке не ходить ни при каких обстоятельствах.

Есения пытается хотя бы держать его в поле зрения, куда уж там поймать – кролики рождены для того, чтобы убегать, все же они – профессиональные жертвы. Она слышит за спиной птичье клекотание.

Пожелтевшая трава путается под ногами. Светлая новенькая ветровка цепляется за ветки. Холодный воздух обжигает горло, заставляет задыхаться и кашлять.

- Миндаль!

Клекот раздается прямо у ее уха. По глазам бьют упругие перья. Есения отмахивается, инстинктивно зажмурившись. Когти процарапывают на руке длинные полосы. Первое, что она видит, когда распахивает глаза – замерший в траве кролик. Она падает, напаривая Миндаль и бесцеремонно прижимая к себе. Испуганный зверек даже не сопротивляется.

Птица кричит снова. Воздух свистит от толчков крыльями. Есения пытается заставить магию откликнуться, но не ощущает ничего. Никаких следов дара.

Ее пальцы вслепую шарят по запястью, ища браслет, но его там нет.

Опавшие листья похрустывают под прыжками тяжелых лап. Есения оглядывается и встречает тяжелый взгляд желто-коричневых глаз. Сначала ей кажется – большая собака. Но потом взгляд выхватывает прямой длинный хвост, серебряный отлив шерсти и узкую, *волчью*-морду. В следующий момент, она видит ее совсем близко, прямо перед лицом. Птица взлетает, испугавшись зверя.

Волк провожает ее взглядом и поворачивает голову к Есении. В его зрачках ничего не отражается. Почему-то именно об этом она думает, глядя в немигающие глаза волка.

- Ты... что здесь делаешь? – Она старается, но голос все равно дрожит.

Откуда взяться волку в парке в центре города? Она перепутала, точно перепутала, это не может быть волк. Просто большая собака...

- Агата! – окликает негромкий голос. Тяжелый голос.

Парень ступает по листьям тихо. Высокие военные ботинки скрадывают шаги. «Почему военные ботинки носят не только военные, а вообще все подряд? В чем тогда смысл названия?», - лезут дурацкие мысли в голову. Видимо, от пережитого потрясения.

- Рядом.

Волк подбегает к нему, усаживаясь у ноги. Морда виновато опущена. Он касается ее загривка, кончиками пальцев пробегаясь по шерсти. Парень поднимает взгляд на Есению и усмешка с привкусом горечи искажает его лицо.

- Что, все-таки потеряла талисман?

Глава 2. О маленьких кафе и красных пятнах.

Есения прижимает к себе испуганного Миндаля. Шерсть у кролика встопорщена, глаза широко распахнуты. Пусть он никогда и не видел волков, но инстинкт, переданный предками, подсказывает, что серебристая шерсть и желтые глаза – смертельная опасность.

- Откуда у тебя волчица? – вырывается у Есени. Пальцы механически поглаживают кролика. Тот не желает успокаиваться. Наверное, думает, что это план коварной волчицы – усыпить бдительность, а потом напасть. Волчица, впрочем, не обращает на кролика внимания, улегшись у ног парня. Странно для хищника.

- Что-то имеешь против? – тут же напрягается парень.

Есения пожимает плечами. Ее глаза скользят по нему. Изучают. С первого взгляда не сказать, чтобы он выглядел как человек, который ходит по городу с волком. Но чем больше она вглядывается в его черты, тем больше понимает, что никто другой не подошел бы на эту роль лучше.

Единственное слово, которое приходит на ум при виде его – цельный. Он отдаленно напоминает статую, вырезанную скульптуром из жесткого, неподатливого дерева. Резкие черты, чуть сглаженные плавной линией темных бровей и еле заметной горбинкой на носу. Давящая линия челюсти. Если у идолов славянских богов были лица или их подобие, то это – единственное, с чем она могла бы его сравнить.

В его темном силуэте только одно яркое пятно – полыхающий красным капюшон осенней куртки. Сначала Есения приняла его за неформала, но теперь в глаза бросается небрежность образа, а вовсе не приверженность субкультуре – надел то, что понравилось и пошел. Растянутая футболка с невероятно банальной надписью «Brooklyn» под курткой тому подтверждение.

Но главное не это. Есения пробегается глазами по его лицу. Складка между бровей – привычка хмуриться. Напряженная челюсть и испытующий, проверяющий на прочность взгляд. Глаза хищника, готового наброситься в любой момент.

Есения встает с ковра листьев, неловко отряхиваясь одной рукой. Плавно, чтобы не спровоцировать. Волчица у ног парня тихо рычит, не открывая пасти. Звук получается похожим на кипение чайника.

Смешок срывается с губ Есени быстрее, чем она успевает подумать. И на лице появляется она – та дурацкая улыбка, которую не раз запечатлевали на случайных фотографиях. Нельзя сказать, что Есения ее не любит. Просто эта улыбка – она сама, выраженная в паре движений лица. Неловкая, с робкой надеждой на понимание в глубине глаз.

Его лицо слегка смягчается. Буквально на два процента от возможного.

Есения цепляет взглядом кровоточащие царапины на тыльной стороне ладони. По привычке хватается за левую руку, ища пальцами знакомый рисунок руны и шершавость браслета и только теперь осознает произошедшее.

- Вот блин! – стонет она. – И что теперь делать...

Голову заполняет привычное беспокойство. Оно сжимается в тугую, пульсирующую комоч где-то за грудиной, разносясь с кровью по телу.

Она оглядывается, вертится вокруг себя, надеясь увидеть браслет на земле. Присаживается на корточки снова и разгребает мерзлые листья, пока пальцы не леденеют окончательно. Но на земле ничего нет. Талисман исчез.

Парень и волчица молча наблюдают за ней. Наконец, Есения сдаётся и замирает, содрогаясь всем телом от пронизывающего ветра. Только сейчас приходит боль в руке, и Есения смотрит на нее с отстраненным удивлением.

- Бабушка меня убьет.

Голос подрагивает, но она поднимается и старается взять себя в руки, хотя паника и бьется внутри. Она, в конце концов, не настолько слабачка, чтобы разрыдаться перед незнакомым парнем с хмурым лицом.

- Ты откуда вообще тут взялся? – уводит она разговор в сторону, отрешенно рассматривая царапины. Немного кровоточат, но не критично. По-хорошему, нужно бы вернуться домой и промыть... но как вернуться без талисмана?

Конечно, бабушка обо всем узнает. Возможно, даже уже знает.

Есения изучает царапины так тщательно, что, кажется, скоро сможет видеть их и с закрытыми глазами. Это лучше, чем думать о том, что у нее больше нет магии. Даже несмотря на тянущую боль, вгрызающуюся в руку.

Еще с детства она прекрасно знает важнейшее правило: чтобы заглушить одну боль, нужно испытать другую. Есения предпочитает физическую боль душевной. Всегда предпочитала.

Парень, похоже, даже не замечает, что она расстроилась. По крайней мере, его выражение лица не меняется. Ни одного движения мимических мышц. Ветер вокруг шуршит листьями, а он все молчит. Тишина повисает в воздухе.

- Я тебя заметил сегодня в магазине. Эту твою благотворительность, с жвачками. – Его голос звучит насмешливо. – И решил проследить.

- Зачем?

Он склоняет голову вбок и прищуривает глаза, изучая ее. От явной, сквозящей иронии, Есения, кажется, должна потеряться и почувствовать себя несмыслённым ребенком. Вместо этого она задирает подбородок, смело разглядывая его глаза.

Если рассматривать крапинки на радужной оболочке и думать о том, на что похожи глаза, то никакое давление не страшно. Мысли улетают вдаль, и тебя уже никто не достанет.

- Не ты одна потеряла талисман. По городу ходят слухи... кто-то похищает их уже давно. В последнее время – почти каждый день.

Есения хмурится, отгоняя привязавшуюся озорную мысль, что его радужка напоминает ей тухлявое дерево.

- Откуда ты вообще про это знаешь? Ты что, тоже...?

Парень вытаскивает из кармана руку и разжимает ладонь. На ней подвеска на порванной посеребренной цепочке – три мелких косточки. По размеру – будто птичьих. Или мелкого животного. В чем она уж точно не разбирается – так это в костях.

- Не похож на человека с даром? – ехидно интересуется парень.

Есения качает головой. Ей сложно представить, чтобы такой как он изо дня в день творил мелкие чудеса. Хотя, может она просто судит по внешности?

Есения мысленно ругает себя. Кому как не ей знать, что внешность обманчива. За жизнь она видела множество улыбающихся людей. И в груди у многих сидели тоскливые, затхлые мысли, что было бы неплохо однажды не проснуться.

- Я не занимаюсь той фигней, о которой ты думаешь. Вроде спасения котят и возвращения украденных жвачек. Мы с Агатой сами по себе.

Парень хлопает волчицу по холке. Она тут же сует морду в его ладонь, очевидно выпрашивая поглаживание.

Есения удивленно наблюдает за ним. Всю жизнь ей казалось, что все люди с даром живут так же, как она. С раннего детства, еще до передачи талисмана, бабушка втолковывала, что магию можно творить только по разрешению Видящего. Только во имя добра и помощи отчаявшимся людям.

Конечно, Есения не была идеально послушной. С тех пор, как она получила дар, она жила магией. Осознанием того, что все это и правда существует - все эти маленькие чудеса.

Возможно, если бы талисман был способен на большее, ее мечты были бы гораздо амбициознее. Сделать счастливыми абсолютно всех разом, например. Но увы, все, что он мог – мелочи, вроде залечивания царапин или поиска потерянных ключей.

Последние месяцы она начала серьезно испытывать ограничения на прочность. Раньше Есения не решалась применять магию для себя.

И вот теперь она стояла в беспорядочно взлохмаченной куче листьев и смотрела на человека, живущего наперекор всем бабушкиным правилам.

- Расскажи про свой дар! – просит Есения, доверчиво глядя ему в глаза.

Привычно задержав дыхание, она смотрит ему в глаза и ищет – согласится он или нет? Привычно нырнув в глубину чужих глаз, потерявшись в желтоватых крапинках радужки, она находит ответ. В этот раз совсем быстро.

Парень коротко мотает головой.

- Нет.

Он свистит, подзывая волчицу и, сунув руки в карманы, идет прочь. Есения остается позади, недоумевая.

Ответ был не таким.

- Стой!

Опомнившись, она догоняет парня, на ходу отряхивая с одежды листья.

- Разве тебе не хочется поговорить с другим магом? – запыхавшись, спрашивает она.

- Нет.

- Ты врешь! – обвиняет Есения.

Парень оборачивается. Его глаза сверкают неожиданной злостью.

- И с чего ты это взяла?

Есения подавляет резкое желание отступить.

- Вижу тебя насквозь! – храбро заявляет она, гадая, получилось его убедить или нет.

Парень фыркает.

- Продолжай так думать, - насмешливо говорит он. – Пойдем, Агата!

Есения наблюдает за ними, возмущенно скрестив руки на груди. Парень оборачивается. Его лицо выглядит непроницаемо спокойным, хоть она и чувствует – он смеется.

- Ты тоже не отставай.

Есения кусает фисташковое мороженое, ощущая как сводит зубы. Плата за жадность. Волчица наблюдает за ней из-под стола. Есения старается поменьше шевелиться – кто знает, вдруг волчицам нравятся неловкие девушки с запахом фисташек на обед?

Парень постукивает пальцами по столешнице. На его губах – легкая ухмылка. Интересно, и куда подевалось отсутствующее выражение лица? Может, он из сказки Андерсена? Похищенный мальчик с льдинкой в сердце?

- Куда-то торопишься?

- Просто... мое любимое... - объясняет Есения, пытаясь проглотить мороженое.

Они сидят в небольшом кафе недалеко от парка. Есения часто здесь бывает – заходит посидеть с чашкой зеленого чая и попробовать всегда теплые булочки с корицей и сахарной пудрой. Здесь очень легко читаются книги - атмосфера настраивает на грустно-лирическое настроение.

Кафе принадлежит милой женщине. Есения часто видит, как она болтает с более общительными посетителями и смеется над их шутками. Ей самой всегда не хватает смелости и непринужденности, чтобы заговорить первой. Поэтому и хозяйка тоже молчит, лишь бросая короткий взгляд, когда принимает заказ.

Есения влюбилась в это место, как только вошла в первый раз. Строго говоря, ее привели, но знакомая, показавшая ей кафе, скоро перестала туда ходить.

На стене небольшого зала – огромный рисунок красками, выполненный легкими, сине-нево-белыми тонами. Летящий воздушный шар с корзиной, усыпанной полупрозрачными фиалками. По залу разбросаны белые столики с плетеными стульями – стиль «прованс», так горячо любимый Есенией.

Парень откидывается на плетеную спинку стула. Как же ему не подходит «прованс», мысленно закатывает глаза Есения.

Он скептически смотрит, как она доедает мороженое, вздыхает и роняет сухое:

- Анджей.

- Что? – Есения вскидывает на него непонимающий взгляд.

На его лице написано легкое раздражение от того, что придется проронить еще несколько слов. Пословицу «слово – серебро, молчание – золото» явно придумал кто-то похожий на него.

- Я. Анджей, - повторяет он. Брови сведены, будто злитесь, но насмешливая полуулыбка его выдает.

- А... А я Есения. Надо было сразу спросить твое имя, но меня отвлекла волчица. И... талисман.

Это звучит как достаточное оправдание. Она не сильна в том, чтобы заводить новые знакомства, но тут-то причина забыть спросить имя была *действительно* серьезной.

Он фыркает.

- Есения? Родители так сильно любили «Белую березу под моим окном»?

- А твои, видимо, любили книги про ведьмака.

- Просто польское имя.

- Так ты поляк? – поднимает она брови.

Он смеется (хотя и непонятно, что именно его рассмешило), но его взгляд не отрывается от ее лица ни на секунду, и он такой тяжелый, что в горле собирается комок.

Миндаль шумно возится в сумке-переноске. Волчица тихонько рычит. Близость кролика ее будоражит.

- По матери.

Повисает неловкое молчание. Анджей выжидает, покачивая ногой под столом. Движение настораживает волчицу еще больше. Желтые глаза неотрывно следят за его коленом.

- Как ты пользуешься даром? Ты не помогаешь другим?

Анджей медлит. Есении кажется, что она идет по узкой тропинке посреди болота. Один неосторожный вопрос – и свалишься в топкую, затягивающую ложь.

- Выживаю, - отвечает он. - Временами дар помогает.

- Но... разве дар можно использовать только для себя? Я сама использую, - спешит оправдаться она, - но есть же последствия! Видящие должны нас наставлять...

Анджей усмехается.

Волчица теряет терпение и толкает его колено носом, прихватив зубами штанину. Анджей прихватывает ее за загривок, легонько встряхивает и тут же отпускает. Его рука остается на холке волчицы.

- Будь хорошей девочкой! – буднично говорит он Агате. Та недовольно урчит в ответ.

Выпрямившись, он продолжает как ни в чем ни бывало:

- Ты сама-то веришь в то, что делаешь, или просто бабушка так сказала?

- Верю, - упрямо говорит Есения. – И я действительно помогаю людям.

«В отличие от тебя», так и рвется с губ. Но она сдерживается. Анджей хмыкает. Его пальцы сжимают волчью шерсть в кулаке, но лицо остается расслабленным.

- Единственный Видящий, которого я знал, умер. Поэтому меня никто не учил, что если у тебя дар, ты должен не дать маленькой воришке спереть жвачку.

- Ты так над всеми смеешься? – не выдерживает Есения.

- Может, только над тобой, - пожимает плечами Анджей. – Захотела поговорить о даре.

Подумать только.

- Тебе не нравится об этом говорить?

- Не нравится, - признает он.

Есения усилием воли заставляет себя не злиться, хотя внезапно это становится очень трудно. Она рывком встает и поднимает переноску. От потери опоры Миндаль беспокойно шевелится. Волчица громко клацает зубами.

- Тогда приятно было познакомиться.

Она не видит смысла в фальшивой улыбке, поэтому даже не пытается скрыть раздражение.

Анджей не отвечает. Просто смотрит своим дурацким испытующим взглядом, и это бесит еще больше, чем если бы он продолжал говорить.

К ним подходит владелица кафе. Обеспокоенно-взъерошенная, как и всегда. Чем-то напоминающая бойкого круглого воробья. На ее пухловатом лице легкое опасение.

- Можно попросить вас вывести собаку на улицу? Посетители... пугаются.

Анджей лениво встает, натягивая куртку. Волчица радостно подскакивает. Ей, видимо, порядком наскучило сидеть под столом, где ничего не происходит.

- Это не собака, это волк, - говорит он и идет к выходу из кафе. – Агата!

Волчица бежит за ним. Прямой хвост колышется в воздухе, четко обозначая ее видовую принадлежность. Тем, кто знает, разумеется.

Хозяйка кафе нервно вздыхает.

Сорок. Тридцать девять. Тридцать восемь.

Вместе с отсчетом светофора Есения считает падающие листья. Посреди пешеходного перехода – большая лужа. Она задумывается о том, насколько просто увидеть душу человека благодаря обычной луже. Некоторые пойдут обходить ее, чтобы остаться чистыми. Любители порядка как в своей жизни, так и в чужой. Некоторые перепрыгнут – это те, чьи души еще горят светом, оставшимся с детства.

Анджей же прошел по луже, будто не заметив ее. «Вижу цель, не вижу препятствий», - мысленно перевела Есения.

Есть и другая трактовка такого варианта. Еще так поступают погасшие. Люди, которым уже без разницы.

Идти рядом и молчать кажется нелепым. Они уже почти попрощались, не обменявшись никакими контактами. Первая и последняя встреча. Теперь ей придется вернуться к бабушке и, выслушав нотации о потерянном талисмানে, думать, что делать дальше.

Если говорить честно, парень ее *слегка* раздражает, так что она не жалеет, что знакомство так быстро закончилось. С момента получения дара Есения видит много новых людей каждый день. Каждый день она помогает кому-то не стать жертвой обмана. Не потерять важную вещь.

Люди текут сквозь ее жизнь, как вода сквозь пальцы.

Толпа перед пешеходным переходом собирается большая. Когда загорается зеленый, она осторожно движется вперед вместе с потоком людей.

На Есению против воли накатывает чувство умиротворения. Она ощущает себя частью большого и шумного города. Это происходит не так часто, слишком уж она оторвана от общества своей тайной.

Магия делает ее другой. Делает ее тем, кто она есть.

Делала.

Магии больше нет.

Глаза выхватывают покачивающийся брелок на чьем-то рюкзаке. Котенок. Вытаращенные пластиковые глаза. Услужливая память подкидывает сегодняшнее утро. Девочка из очереди в супермаркете.

Она торопливо лавирует в толпе перед ними. Левая рука сжата в кулак. Солнце высветляет пару звеньев посеребренной цепочки между ее пальцев. Есения видит знакомые мелкие косточки.

Остановившись как вкопанная, она цепляется за куртку Анджея, уже собравшегося уйти и ловит его взгляд.

Каким-то образом он все понимает, и повезло, что так, ведь она не может сказать ни слова. Рука Анджея хлопает по карману куртки и недоверчиво залезает внутрь. Он бросает на Есению взгляд, в котором гнездится подозрение.

- Талисман? – спрашивает она одними губами, уже зная ответ.

Лицо Анджея застывает каменной маской, отлитое в своей ярости. Долю секунды он всматривается в ее испуганные глаза. Быстро мотает головой – не ей, сам себе.

- Ты видела?...

Глаза Есении против воли находят девочку. Ее уже едва видно. Брелок-котенок подпрыгивает на каждом шаге.

Анджей все понимает.

- Агата! – коротко приказывает он и ускоряет шаг, собираясь сорваться с места.

- Ты ей ничего не сделаешь?

Есения испуганно вцепляется в его плечо. Его бешеный взгляд заставляет тут же разжать пальцы. Словно кипятком по коже.

- Она ребенок, ей лет двенадцать, не больше! – лихорадочно говорит она, срываясь на шепот. – Не злись так сильно, не надо...

Последние слова звучат так по-детски наивно, так искренне, что удивляют ее саму.

Он вырывает руку, но движение не злое – просто резкое. Не сказав больше ни слова, Анджей срывается с места. Волчица бежит за ним, не отставая ни на шаг.

Есения смотрит им вслед, смотрит, как он оббегает людей впереди. Непокорная капля воды наперекор размеренному потоку.

Беспокойство грызет ее сотней маленьких клычков. Царапины на руке пульсируют, вспыхивая тянущей болью. Миндаль шуршит в сумке, бунтуя против заточения.

Слишком много всего. Ощущения и мысли сворачиваются в тугий пульсирующий клубок.

Она не сможет помочь ни Анджею, ни девочке. У нее больше нет магии. Теперь она обычный человек, как и все остальные. Все, что она теперь может – молча смотреть и гадать, как же все разрешится.

Светофор нетерпеливо мигает, предлагая ей принять решение. И она его принимает.

Она бежит за ярким пятном его красного капюшона.

Глава 3. Об альтруистах и беспорядке вквартире.

Один поворот, другой, третий. Есения не привыкла бегать, и уже на второй минуте дыхание безнадежно сбивается. Она не думает, где находится или куда повернуть - ее ведет красный капюшон, как стрелка навигатора.

Завернув за угол, она обнаруживает привалившегося к кирпичной стене хмурого Анджея. Еще более хмурого, чем обычно.

- Сбежала? – спрашивает она, кашляя.

Горло саднит. Наглotalась холодного воздуха. Есения мысленно ругает себя. Бегать в мороз чревато последствиями, особенно, если простываешь даже из-за открытой на ночь форточки. Хорошо, если температуры потом не будет.

Анджей рвано кивает и резко, без замаха, с силой бьет кулаком по стене. Волчица наводит уши, наблюдая за хозяином.

Есения стоит молча, вцепившись в ручку сумки-переноски. Миндаль внутри недовольно урчит, пытаясь топнуть. В сумке, это получается беззвучно. Больше прыжок, чем топанье.

Оторвавшись от стены, Анджей проходит мимо Есени и направляется к детской площадке. Та выглядит немного заброшенной: давно некошенная трава, горка щедро присыпана опавшей листвой. Качели с облупившейся от времени краской толкает ветер, и они издают тихий надсадный скрип. Вертящаяся карусель будто рвом окружена кольцом протоптанной земли – свидетельством того, что когда-то эта площадка жила и была наполнена голосами.

Старые, оставленные места со временем гаснут и умирают. Так же, как и люди.

Анджей толкает носком ботинка карусель, и она нехотя, со скрипом, начинает раскручиваться. Будто опомнившись, он тут же тормозит ее, опускается на потемневшее от времени сидение и как-то весь сжимается. Его руки обхватывают виски.

Есения осторожно подходит и садится на соседнее сидение. Она близко: плечом почти касается его спины. Носком она плавно отталкивается от земли и карусель крутится. Мир мелькает как картинки в калейдоскопе.

Она пытается зафиксировать взгляд, и каждый раз он выхватывает разное. Агату, внимательно следящую за ними, наклонив голову. Ствол огромного клена, раскинувшегося над площадкой. Шумно бунтующую сумку-переноску на земле.

Пока мир кружится, кажется, будто все снова хорошо. Но браслета на руке больше нет, как и приятной магической теплоты в пальцах.

Анджей отнимает руки от головы и резко упирает подошву в землю, заставляя мир обрести четкость.

- Я ее найду.

- Думаешь, мой талисман тоже может быть у нее? – задумчиво говорит Есения.

- А тебе так важен твой талисман? – хмыкает Анджей. – Что ты теряешь? Возможность не дать очередному вору спереть жвачку? Иди домой.

- С чего вдруг? – протестует Есения. – Я хочу его вернуть!

Он разворачивается к ней.

- Давай честно, ладно? Ты не выглядишь так, будто загнешься без своей магии, зато точно будешь мне мешать. Покормила белок наколдованными орехами – молодец, но лафа кончилась. А я с тобой сейчас просто теряю время.

Рывком Анджей подскакивает, и волчица тут же оказывается на ногах синхронно с ним.

- А тебе-то самому, что, важен твой талисман? – насмешливо копирует его тон Есения.

И лучше бы она прикусила язык.

- Да, черт возьми, - шипит он и неожиданно сбавляет тон до полупшепота. – важен.

- Удивительно, да? – саркастично говорит Есения.

Он буравит ее злым взглядом, но почему-то никуда не уходит. Просто засовывает руки в карманы и смотрит так, будто хочет сказать о ней много чего интересного.

Есения вздыхает.

- Прости, - примиряюще говорит она, - Для меня мой тоже важен. Бабушка меня убьет, если узнает, что я его потеряла.

В ее словах нет ни слова лжи, но она все равно кажется себе бесконечно наглой лгуньей.

- Твои родители, наверное, тоже разозлятся, - продолжает она. - Это же семейные реликвии, все такое... Бабушка говорила, талисманы больше не делают.

У Анджея смешно дергается бровь. И угол рта.

- Помнишь, я говорил, что поляк по матери? – резко спрашивает он.

Есения хмурит брови.

- К чему это?

- Есть только польское имя. Про родителей я ничего не знаю. Так что о своей семье я говорить не буду. И ты не лезь, - бросает он металлическим, закованным в броню голосом.

Она замолкает, не зная что сказать. Обычно на этом месте люди картинно ахают и выражают соболезнования. Но разве это не лицемерие – перекидываться заученными фразами?

Она не говорит ни слова. Кивает, принимая к сведению и серьезно смотрит на него. Пытается прочесть, все что нужно, по глазам.

Без талисмана она чувствует себя, будто потеряла указательный палец. Дурацкое ощущение. Вроде и не смертельно, она все еще здесь, ходит по этой земле, но пропало что-то важное. Ее способность помочь. Тайна, которая делала ее *особенной*.

Без него она ничего не стоит. *Пустое место*.

Телефонный звонок заставляет Есению вздрогнуть. Она роется в карманах куртки, спешно ища телефон. Когда тот наконец находится, она цепляет взглядом мерцающие на дисплее буквы. «Бабушка».

Анджей беззастенчиво смотрит в ее телефон.

- Не смотри! Ты на меня давишь! – заявляет Есения.

Анджей неожиданно хихикает, как будто только что не пытался уничтожить ее взглядом. Она закрывается от его взгляда рукой и все же нажимает «ответить».

- Алло, бабушка, со мной все в порядке!

- Неправда! – возмущается бабушкин голос. – Я чувствую, что ты в опасности!

В ее голосе появляются нотки пафоса. Иногда бабушка любит прибегнуть к театральным эффектам.

Анджей фыркает от смеха и вопросительно тыкает себе в грудь, словно спрашивая «я?». Агата наостряет уши и непонимающе бежит глазами по хозяину.

Есения демонстративно поворачивается к нему спиной.

- Бабушка, все в порядке, я просто одно дело закончу и вернусь домой.

- Ты опять применяла магию для всякой ерунды? – Голос становится назидательным. – Ты же прекрасно помнишь: каждый, кто обладает даром, творит магию только по указанию...

- Ты врешь! – срывается Есения.

Бабушка от неожиданности замолкает. Лицо Анджея вытягивается. Смех угасает в его груди.

- Ты говорила мне, что все так живут, все подчиняются Видящим и сами не могут даже котенка с дерева магией снять! Но это неправда! Ты каждый раз мне просто вра...

Анджей бесцеремонно выхватывает у нее телефон и нажимает «завершить звонок».

- Стой! Я еще не все сказала! – восклицает Есения, пытаясь вернуть телефон. Над его бровью заметно пульсирует венка, но он справляется с собой.

- Хватит с тебя и этого! Пойдем!

С коротким «Агата, рядом!», Анджей размашистым шагом покидает площадку. Мгновение Есения, растерявшись, смотрит ему вслед. Осознав, что у него ее телефон, она подхватывает переноску с кроликом и нагоняет его.

- Куда?

- Макс может нам помочь. Он занимался поиском всяких потерянных штук одно время. Обработаешь руку заодно.

Наткнувшись на непонимающий взгляд Есении, он, усмехнувшись, поясняет:

- Знакомый. Такой же альтруист, как и ты, маленькая мисс Я-всем-помогу.

- Но ты ведь не хотел, чтобы я...

- И сейчас не хочу, но тебя тут бросить себе дороже! – чуть повышает голос он.

- Отдай телефон!

Анджей смеется, но даже не пытается удовлетворить ее просьбу. Есения сверлит его полыхающим от злости взглядом, но он будто не замечает. Игнорировать он умеет виртуозно, этого у него не отнять.

- Побудешь пока без него.

- «Пока» - это сколько?

- Пока не перехочешь говорить бабушке всю эту тупость, - твердо отвечает он.

Есения опешивает. В ее глазах Анджей в очередной раз переходит все границы. Она даже не понимает: хочет он ее обидеть, ему все равно, или же он вообще не понимает, что говорит?

- Это всего лишь правда, - зло отвечает она.

Они подходят к троллейбусной остановке. Анджей резко останавливается и поворачивается к ней. В его зрачках разгорается гнев.

- Нет, это всего лишь обиженный маленький ребенок, которому кажется, что можно сказать что угодно, и не будет никаких последствий!

- Кто бы говорил, - выплевывает она.

Кулак Анджея врежется в металлическое основание остановки. Довольно далеко от нее, но Есения все равно вздрагивает. Расширившимися от испуга глазами она смотрит на содранную до крови кожу на костяшках его пальцев.

Зрелище мгновенно отрезвляет обоих. Анджей отворачивается.

- Прости.

Есения в первое мгновение даже не верит, что это отрывистое слово произнес он.

- И ты меня тоже, - сконфуженно говорит она.

- И я тебя тоже, - отзывается он, улыбаясь краем рта. Совсем незаметно.

Троллейбус набит битком. Это удивляет. Есении всегда казалось, что на этом маршруте можно встретить только несколько грустных людей офисного вида и пенсионеров, благосклонно смотрящих в окно на мелькающий город. Первых и вторых объединяет одно – севшая батарейка глубоко в душе.

Сегодня же здесь не протолкнуться. Есения осторожно протискивается ближе к середине и занимает крошечное свободное пространство рядом с сидящим, слегка поддатым мужчиной.

Анджей остается всего в двух шагах, но в то же время и не рядом, отгородившись от мира телефоном. Агата усаживается прямо на его ботинки, не испытывая по поводу никаких угрызений совести. Волкам неизвестно, что такое совесть. Когда ты лесной хищник, об абстрактных вещах задумываться не приходится.

Главное, что ее беспокоит – намордник, который Анджей нацепил ей на морду еще на остановке. Злясь на непонятную штуку, мешающую раскрыть пасть, Агата мотает головой. Анджей каждый раз усмиряет ее, прихватывая за загривок.

Остальные пассажиры смотрят на нее с опаской и слегка отодвигаются, образуя небольшую зону отчуждения вокруг волчицы. Вслух что-то сказать никто не решается – видимо, Анджей не выглядит как человек, способный внять голосу разума.

Есения смотрит в окно на пролетающие мимо улицы и скучает, думая, как бы поудобнее устроить переноску с Миндалем. Наконец ей удается прижать ее коленом к спинке сидения. Кролик недовольно возится внутри.

Есения грустно думает, что если бы не потерянный талисман, ей бы не пришлось его с собой таскать. Она бы сейчас могла сидеть дома и заниматься чем угодно. Например, читать любую из множества еще не начатых книг.

- Девушка, далеко едете? – спрашивает мужчина с мутными, полупьяными глазами.

- Не слишком.

Она сопровождает ответ быстрой неосознанной улыбкой. Обычная вежливость. Мужчина почему-то понимает это как призыв к продолжению разговора.

- К парню своему? – хитро улыбается он.

Есения замечает на лицах окружающих улыбки с ноткой сочувствия. Будто говорят: «Понимаю, тебе неудобно, но хорошо, что на твоём месте не я».

Анджей издает приглушенный смешок, не отводя глаз от телефона. Ее это почему-то задевает. Хотя, возможно, это лишь отголосок только что случившейся ссоры.

- Нет, - честно отвечает она, надеясь, что этого будет достаточно.

- А парень-то у такой красавицы есть? – мужчина хрипло смеется, зачем-то пытаясь поймать ее взгляд своим.

Ей не хочется отвечать. Особенно правду. Мысли лихорадочно мечутся, перебирая варианты. Соврать? Спокойным, холодным тоном сказать, что у нее есть парень? Отстанет ли он тогда?

Есения заглядывает в его глаза, совсем мимолетно и этого хватает, чтобы понять: да, отстал бы, но его бы это расстроило.

Троллейбус притормаживает и она пошатывается, хватается за спинку сидения в попытке удержаться. Она здесь – и не здесь одновременно, и от этой двойственности ее мутит.

Он искренне считает это комплиментом. И ничего более. Мужчина ни на что не претендует. В его подернутых пьяной дымкой глазах – усталость от работы и жизни. Ему не хочется ехать домой, хочется зайти в ближайший ларек и пьяным голосом выкликать проходящих людей, чтобы поговорить.

Но он еще не совсем погасший.

- Ты как? – осведомляется мужик, - Поплохело, что ли?

- Все хорошо, - выдавливают Есения, сдерживая тошноту.

- Парень-то, говорю, есть?

- Есть, - твердо отвечает Анджей, подтягивая ее к себе за локоть прямо через толпу, и подталкивает ее к выходу.

Есения встречается взглядом с женщиной и шепчет вслед одними губами «Спасибо». Он улыбается. Искренне. Словно сквозь вымотанность и опьянение на секунду промелькнула душа.

Она надеется, что это сделало его день хоть немного лучше.

Выйдя из троллейбуса, Есения послушно идет за Анджеем, хотя и не совсем верит своим ушам. После их небольшой размолвки она не ожидала от него помощи. Особенно, *такой* помощи.

Анджей отпускает ее локоть уже на улице и натягивает воротник куртки повыше, защищаясь от ветра. Его лицо ехидно-насмешливое, и даже воротник не может этого скрыть.

- Ну пошли, красавица! – дразнит он.

Есения тихо посмеивается.

- Замолчи!

- Вообще посылать не умеешь? – вскидывает брови он, и в этом есть что-то злое. Он круто поворачивается и направляется к панельной многоэтажке. Агата бежит рядом с ним, как служебная собака.

- Почему ты злишься? Что я сделала? – не выдерживает Есения.

- Да я просто удивляюсь тому, что ты как-то до своих лет дожила! – взрывается он. – Разговаривать с каким-то бухим мужиком! Да черт возьми, ты прямо сейчас идешь непонятно куда *со мной!* А если я маньяк?!

- А если *я* маньяк? – задумчиво спрашивает Есения.

Она понимает, что не сможет объяснить, почему так поступает. Потому что верит? Или потому что *видит*, что ей не причинят вреда? Слабое оправдание для человека вроде него.

Анджей смотрит на нее как на сумасшедшую, а потом усмехается и вскидывает руки вверх в сдающемся жесте.

- Действительно, - саркастично говорит он. – Может, все-таки пойдешь домой? Мне что-то не улыбается следить, чтобы тебя по дороге никто не спер!

- Ты меня специально бесишь, или у тебя просто талант? – отзывается Есения.

Анджей коротко смеется.

Телефон вибрирует в ее кармане. Есения взвешивает, ответить или нет. «Да к черту», - устало думает она и отключает звук.

Квартира Макса оказывается маленькой однушкой, полностью заставленной вещами. Ни одной свободной горизонтальной поверхности.

Интересно, если бы можно было складывать вещи на потолок и стены, как скоро бы квартира превратилась в сплошной непроходимый монолит?

На письменном столе обитают перчатки и стопка шапок. Сушилку для одежды оккупировали книги, временами предательски переползая на диван. На полках книжного шкафа угадываются очертания нескольких чашек.

- Извиняюсь. Просто увлекусь – и забываю, куда что складывать, - поясняет Макс, почесывая затылок и подавая Есении кружку с отколотым краем.

Он был низким для парня, чуть ниже ее, но при этом крепко сложенным, с постоянно приподнятыми бровями. Казалось, когда-то Макс увидел что-то потрясающее и выражение лица, возникшее в тот момент, осталось с ним навсегда.

В нем угадывалось что-то одухотворенное, летящее. Едва его увидев, Есения тут же прониклась к нему симпатией.

Она опускается на край дивана, сдвинув в сторону пару стопок книг и расстегивает переноску, давая кролику немного размяться. Миндаль тут же выскакивает и недоверчиво обнюхивает хозяйку. Запах чужой квартиры его пугает.

Волчица осталась в коридоре, но Есения на всякий случай придерживает кролика, готовая в случае чего броситься его спасать. Кто знает, что у Агаты на уме.

- Мне жаль, ребят, но вы опоздали, - неловко улыбается Макс, откручивая крышку пузырька с перекисью. Есения терпеливо ждет.

- У тебя тоже нет талисмана? – почти утвердительно говорит Анджей.

Макс смущенно кашляет.

- Тут видишь, как получилось... я сначала думал, что потерял его. Я же вечно... ну, вещи теряю... Искал его несколько дней и дома, и на улице... А потом узнал, что не только у меня талисман пропал. Начал плохо себя чувствовать - ну и понял, что мой талисман у кого-то другого.

- У тебя нет Видящего? – интересуется Есения, щедро заливая ватный диск перекисью. Несколько капель падает ей на джинсы.

Анджей хмыкает.

С кухни доносится свист чайника. Макс, ойкнув, уходит за ним, оставив вопрос без ответа.

Пока Макса нет, Есения оглядывает комнату еще раз и замечает множество раскиданных по комнате бумажек с заметками. Бумажки причудливо мимикрируют, сливаясь с остальными вещами.

Она поднимает одну из них, прилепленную прямо к дивану. «Вытащить мясо из морозилки. Маме таблетки». Чуть ниже – приписка другой ручкой: «растворяюсь в молчании».

И ничего больше. Случайно записанный обрывок мысли.

Макс возвращается, наливая всем чай. Есения не успевает вернуть бумажку на место: просто откладывает ее и смотрит, как вода в ее кружке медленно окрашивается темным, закручиваясь небольшим водоворотом.

- Стихи иногда пишу. Само собой получается. Поэтому, когда приходят какие-то мысли, записываю. Даже если просто слово или несколько, - поясняет Макс, кивая на бумажку рядом с ней.

Есения чувствует, как щеки краснеют. И зачем она вообще ее взяла? Это ощущается как невольное вторжение в чужую душу.

- Поняла, - кивает она.

Макс вглядывается в бумажку и морщится.

- Блин, таблетки чуть не забыл. Хорошо, что напомнили, надо положить.

- Она... чем-то болеет?

Макс неловко и измученно улыбается.

- У нее ранняя деменция. Так бывает. Случается.

Есения сильно прижимает мокрый ватный диск к царапинам и закусывает губу. Больно.

- Прости, - тихо говорит она.

- Ленор!!! Лено-о-ор! – перебивает ее хриплый вскрик незнакомым голосом.

Есения подскакивает на месте. Анджей и Макс даже не вздрагивают, будто такое происходит каждую секунду.

- Прости. Это По, - виновато говорит Макс. – Он бывает громким.

- По? – переспрашивает она.

Макс исчезает на кухне, и к моменту, когда он возвращается, она успевает сопоставить факты.

- У тебя домашний ворон? – неверяще спрашивает Есения.

Виноватая улыбка подсвечивает лицо Макса. Ворон, цепляющийся когтями за его предплечье, ведет себя беспокойно. Вертится, переступает туда-сюда, наклоняет голову. Изучает Есению черными глазками-бусинками.

- Ленор! – хрипло каркает он снова.

Есения смеется.

- Ты решил, раз у тебя ворон, его обязательно нужно научить именно этому?

- А как иначе? – улыбается Макс. – Это классика.

- А потрогать его можно?

Анджей закатывает глаза, откидываясь на спинку стула с демонстративно громким вздохом.

- Лучше не надо. По не слишком дружелюбный. Как-то раз он меня так клюнул, что потом руку пару дней болела, - предупреждает Макс.

- Пар-р-ру дней, пару дней, - передразнивает его ворон.

Сдержанность у Есении не получается. Макс уносит По обратно на кухню, по пути отчитывая его.

- Я спрашивала про Видящего, - напоминает она, когда Макс возвращается, ощущая на себе внимательный взгляд Анджея.

- А... был раньше, но его забрали в Совет, - пожимает плечами Макс. – Так что я временно один.

- Совет?

- Совет Видящих, да.

Есения разворачивается к нему полностью, жадно внимая.

- Ты много знаешь о магии.

- Ну да, у меня был тот еще зануда, - улыбается Макс. – Он меня даже специально натаскивал, объяснял, как все устроено. А у тебя не так?

Есения разочарованно вздыхает. Ее затапливает ощущением несправедливости. Раньше она никогда не встречала других магов, и верила, что бабушка всегда и во всем права.

Оказывается, она могла рассказать ей, как на самом деле все устроено, ведь другие Видящие так и делают. Но нет.

Тебе не нужно ни о чем знать, Есения. Это просто правила, их нельзя нарушать, потому что нельзя нарушать никогда.

Еще одна ложь.

- Моя бабушка... не очень любит рассказывать мне о магии, - сдержанно говорит она. – У нее только одно правило: без ее разрешения нельзя колдовать, а то «мало ли что случится».

- Отдачей прилетит, - понимающе смеется Макс. – Да, бывает неприятно.

Есения вопросительно поднимает брови.

- Ну... ты же знаешь, что мы расплачиваемся за магию? – получив утвердительный кивок, Макс продолжает, - Так вот, когда мы применяем магию без Видящего, есть некая отдача. Как от ружья. Тут уже у всех по-разному, бывает плохо себя чувствуешь, бывает, вон, как у Анджея...

Есения переводит вопросительный взгляд на вышеупомянутую личность. Личность неуютно покачивается на стуле, отстукивая ритм по столешнице. Нервничает.

- А как у Анджея? – спрашивает она, не сводя с него смеющихся глаз.

- Макс, давай ближе к делу, - требует Анджей.

- В общем, отдача по тебе прилетает даже если твоим талисманом пользуется кто-то другой. Что-то в духе «талисман твой, ты за него отвечаешь», - быстренько закругляется Макс. – Поэтому, если твоим талисманом кто-то воспользуется, ты почувствуешь.

Есения наклонила голову, переваривая новую информацию.

- А с Анджеем-то что?

- Да все со мной прекрасно! – отвечает Анджей, рывком поднимаясь и открывая балконную дверь.

Есения переводит взгляд на Макса. Тот тихо посмеивается, глядя вслед Анджею. Тот уходит на балкон, и опирается об ограждение, повернувшись к ним спиной.

Убедившись, что он на них не смотрит, Макс жестом предлагает Есении придвинуться ближе, и заговорщически шепчет:

- Он платит удачей. По мелочи. Вроде и не опасно, но неприятно. Магию применишь, а потом ходишь, спотыкаешься на ровном месте.

- А почему он скрывает? - шепчет в ответ Есения, оглядываясь в сторону балкона.

Она делает последний глоток. Чай успокаивает, разливаясь теплом по телу. Есения не любит мяту, но здесь она как нельзя кстати.

Макс пожимает плечами.

- Да он все про себя скрывает.

Есения смотрит в чашку. Она слышала о гадании по кофейной гуще и по чаинкам, но сама никогда не интересовалась этим. Бабушка говорит, что такими вещами занимаются только шарлатаны.

Но сейчас ей даже не нужен опыт в гадании, чтобы понять, какое предзнаменование приготовили для нее чаинки.

Глава 4. О сигаретном дыме и бездомных птенцах.

Холодный ветер заставляет кожу покрыться мурашками, едва она выходит на балкон. Всего лишь третий этаж, но ей хватает, чтобы напрячься. Она вцепляется в ограждение незастекленного балкона. Пальцы обжигает холодом. Голова кружится от высоты.

Тапки, любезно одолженные Максом, для нее безнадежно огромные, зато пушистые. Ее немного удивляет, что Макс оказался любителем пушистых тапочек, но не слишком.

Анджей курит, оперевшись на ограждение. Он в одной футболке (той самой, с банальной надписью), но не похоже, что ему холодно. Есения поеживается от одного его вида, но ничего не говорит, молча становясь рядом.

От него действительно исходит тепло. Это чувствуется даже на расстоянии.

- Какая у тебя нормальная температура? – задумчиво спрашивает она.

Анджей выдыхает дым.

- Как у всех людей.

- Тогда почему ты не мерзнешь?

Есения понимает, что вопрос звучит по-детски, но стоять рядом с ним в тишине абсолютно невыносимо. Она и сама не знает, что заставляет ее пытаться начать разговор, хотя это каждый раз заканчивается только раздражением. Неубиваемая надежда на лучшее?

Анджей коротко смеется.

- Мерзну. Просто я не такая принцесска, как некоторые.

Она замолкает, буравя взглядом пушистые ели напротив балкона. Зря. Каждый раз, когда они говорят, она думает об этом. Зря она это делает.

- Зачем ты кролика с собой таскаешь? Это же неудобно, - спрашивает Анджей.

- А зачем ты таскаешь волчицу?

Он усмехается.

- Агата всегда со мной. Она может охотиться. Может помочь, если придется драться. Мало ли в жизни бывает проблем. А вот зачем таскать с собой бесполезный комок меха... этого я не понимаю.

Есения разворачивается, отпуская ограждение. Ноги утопают в Максовых пушистых тапках, но она надеется суметь сделать два шага до балконной двери.

- Думаю, мы по-разному к этому относимся.

Она старается не злиться, хотя у него хорошо получается выводить ее из себя. Анджей кивает.

- Вернешься домой? – спрашивает он. Запах табачного дыма окутывает балкон.

Вопрос обезоруживает, и ей приходится повернуться обратно. Она опирается локтями о холодную обрешетку балкона и достает телефон. Семь пропущенных от бабушки.

- Не знаю, - вздыхает она.

Они молчат. Иней ползет по балконной решетке.

Замерзшие пальцы находят значок камеры. Она делает быстрый снимок. Ограждение балкона, покрытое легким инеем. Туман, окутывающий улицу. Есения изучает снимок и пытается понять, что она чувствует. Сейчас это почему-то как никогда сложно.

- Зачем? – спрашивает Анджей, кивая на экран телефона.

- Я всегда запоминаю, как было сделано фото. Когда я смотрю на них... я могу почувствовать то же, что и в тот день. Это что-то вроде якоря. Зацепиться за воспоминания.

Ей кажется, что ее объяснение запутанное, но Анджей коротко кивает, давая понять, что не нужно продолжать. Есения прячет телефон, растирая пальцы. Немного покалывает. Скоро она перестанет их чувствовать. Обычная последовательность для нахождения на морозе.

По привычке она обхватывает рукой запястье, там, где был талисман. В холода он всегда был теплым. Обычно она засовывала левую руку с талисманом в рукав правой, а левую грела о подвеску. Но теперь она находит лишь голую кожу.

Анджей подносит сигарету к губам. Свободную руку он переворачивает ладонью кверху и кладет рядом с ее пальцами, цепляющимися за ограждение.

Есения колеблется пару секунд, а потом кладет одну ладонь поверх его. Его кожа теплая. Странно – на таком-то ветру.

- Обе, - коротко командует он.

Она обхватывает одну свою ладонь другой, грея их друг о друга и опускает на его руку. Анджей будто не обращает внимания, глядя вдаль. Только его пальцы сжимаются, укрывая ее руки от ветра.

Внутри расплзается тихая радость от этого жеста. Очередное доказательство, что он неплохой человек. Ей нравится искать такие небольшие доказательства в поступках людей.

- Знаешь, люди такие хорошие, - говорит она, не в силах держать мысли при себе.

Анджей усмехается.

- Нет. Чаще всего люди - то еще зло.

Ответ пощечиной ощущается на ее слегка покрасневшем лице.

- И ты тоже? – она впивается взглядом в его глаза, ища реакцию на провокационный вопрос. Но ее нет.

- И я тоже, - отвечает он, и от его голоса на балконе становится еще холоднее.

- И я?

Есения вскидывает подбородок. Ждет ответ. Он молчит. И наконец произносит:

- Ты – ребенок.

И это хуже, чем если бы он сказал «да». Она отдергивает руки, прерывая контакт с его кожей. Анджей не мешает ей, снова затягиваясь сигаретным дымом и это простое действие кажется бесконечно долгим.

Он выдыхает, и от запаха табака у Есении кружится голова, так сильно, что она понимает – падает. Она судорожно хватается за ограждение и молниеносно принимает решение. Лучше упасть сейчас, пока она еще контролирует тело. Колени принимают на себя шершавый удар балконного пола.

Ее рывком поворачивают. Пару секунд в ушах еще звенит, и она тупо смотрит на лицо Анджея, маячащее перед ней. Ее подбородок дергают вверх, заставляя задрать голову, и она недоумевает: зачем? Пока не чувствует в горле металлический привкус крови. Тогда все становится понятно.

Звуки возвращаются одномоментно, как будто выдернули затычки из ушей. Анджей видит, что ее взгляд приобрел осмысленность и оглядывается на открывшуюся балконную дверь. Есения откидывает голову на прутья решетки, стирает кровь под носом. В дверном проеме появляется побледневший Макс.

- Талисманы... - слабо говорит он. – Их только что использовали.

- Тогда надо торопиться!

Есения вскакивает на ноги, слегка пошатываясь.

- Ты уверен, что не можешь нам никак помочь?

Макс виновато почесывает затылок.

- Мне правда жаль, что вы зря сюда ехали. Но без талисмана я не найду ничего дальше трех метров. Способности без него слишком уж слабые. Да и... честно говоря, чужой талисман я, скорее всего, и так бы не нашел. У них же собственное энергетическое поле, все дела...

Есения качает головой, и делает это явно зря. Ее ведет, и Анджей придерживает ее за плечо.

- Но можно попробовать спросить у Видящего, - нерешительно говорит Макс. – Они связываются с талисманом мага, когда он творит магию. Так что, теоретически, Видящий может попробовать найти талисман...

Есения на секунду замирает. Так вот как бабушка каждый раз узнавала, что она колдует?

Обдумывая сказанное, она отрывается от балконной решетки и заходит в квартиру. Анджей убирает руку с балконного ограждения за местом, где она стояла. Его плечи расслабляются.

Решение дается Есении нелегко, но вариантов больше нет. Анджей сам сказал – единственный Видящий, которого он знал, уже умер.

- Бабушка, – бросает она. – Мы поговорим с бабушкой.

Есения долго не решается вставить ключ в замочную скважину. Руки слегка подрагивают.

Страшно посмотреть бабушке в глаза после того, что она сказала. Никогда раньше она не решалась ставить под сомнение ее правила. Слепо верила, что все, что говорит бабушка – абсолютная истина.

Поэтому еще страшнее было то, что если бы ей представился шанс, она бы повторила. И она бы сказала больше, гораздо больше, чем ей позволил Анджей.

Бабушка лгала ей, и теперь отрицать это было бессмысленно. Да, расплата существовала. Но она касалась владельца талисмана. Никогда не того, кто принял помощь. Это была ложь. Только для того, чтобы Есения подчинялась ее выдуманному правилам.

Да, возможно, ей не стоило творить магию по пустякам, вроде кроличьей шлейки. Но ведь она искренне хотела помогать больше. Хотела быть полезной людям.

Кровь из носа – не смертельная цена для того, чтобы сделать чью-то жизнь лучше. Но бабушка считала себя вправе выбирать, кто достоин помощи, а кто – нет. И это заставляет ее сжимать кулаки так, что на ладонях остаются красные, вдавленные следы от ногтей.

- Давай сюда – прерывает Анджей ее внутреннюю борьбу, протягивая руку за ключом.

Едва она делает шаг в квартиру, раздается требовательный бабушкин голос:

- Есения, это ты? Подойди сюда!

Она мягко опускает на пол переноску и идет к бабушкиной комнате. Анджей остается у порога, присев на корточки. Агата утыкается носом ему в подмышку, выпрашивая, чтобы ее погладили.

Есения старается идти бесшумно, но как только она достигает приоткрытой двери, бабушка поворачивает лицо к ней. Невидящие глаза смотрят в пустоту.

- Что случилось? Где ты была? – ее голос спотыкается, а затем обретает ледяную твердость. – С тобой нет талисмана.

- Да. Но мы найдем его, если ты сможешь помочь, - сдержанно отвечает Есения.

Бабушкино лицо раздраженно дергается. Обычно оно напоминает застывшую маску, и видеть, как оно искажается, особенно страшно.

- Потерять талисман... Есения, ты понимаешь, *что* для нашей семьи значит этот талисман? Это сила, которую дали нам предки! Их наследие! Каждый талисман сделан вручную, в каждом – магическая сила, и ни один из них нельзя воспроизвести!...

Ее голос возвышается и опадает. Бабушка качает головой, и от укоризненного разочарования хочется то ли кричать, то ли плакать. Есения не поворачивается, но чувствует, что Анджей стоит позади.

- И мы... Кто это, мы? – Бабушка замирает. Ее лицо выглядит так, будто она прислушивается к чему-то очень далекому. – Мальчишка, который использует дар, как ему вздумается?! По-твоему, это подходящая компания для тебя?

- Это не тебе решать, - срываются с губ Есенин злые слова, и она не собирается их останавливать. – Ты вообще больше ничего не будешь решать в моей жизни!

Руки Анджея поспешно сжимаются на ее плечах. Он с силой отодвигает ее в сторону, и Есенин поневоле приходится замолчать.

- Нам нужно знать, где талисман Есенин.

Бабушкино лицо приобретает надменное выражение.

- Ты можешь делать что хочешь. А тебе, Есения, я запрещаю идти! Ты уже и так потеряла талисман. Еще не хватало, чтобы с тобой что-нибудь случилось!

- Запрещай сколько угодно, но не думай, что я послушаю! – взрывается Есения. - Мы найдем талисманы и без твоей помощи!

На ходу накидывая куртку, она выскакивает из комнаты. Внутри, где-то в области сердца, пылает гнев. Хочется заорать, но она держится.

- Перестань упрямиться! Ты ведешь себя точь-в-точь, как твой отец!

Есения замирает, будто подстреленная. Огонь внутри потухает резко, будто пламя свечи задули. Орать больше не хочется. Хочется ударить кулаком обо что-то твердое, чтобы стало больно. Она с детства знает - когда больно снаружи, становится не так больно внутри.

- Пока, бабушка, - ровным голосом произносит она и переводит вопросительный взгляд на Анджея.

- Подожди у двери. Пару минут, - отрывисто говорит он.

Есения пожимает плечами и опускает на его ладонь ключ. Она уходит, невидяще глядя перед собой.словно сбитый с крыла птенец, потерявший родное гнездо.

Анджей подходит ближе.

- Скажите, где найти талисман, - с нажимом говорит он. – Вы Видящая, и не хотите потерять талисман своей семьи. Есения все равно будет его искать и найдет способ влезть в опасность. Разве не лучше, если она будет не одна?

Бабушка поднимает голову. Анджею кажется, что его просветили рентгеном. Конечно, она не видит, как он выглядит и какое у него выражение лица, но для нее это и не важно.

- С тобой? – скептически спрашивает она.

- Тогда мне лучше оставить ее одну? – в голос Анджея прокрадывается тихое рычание. Его начинает раздражать этот разговор.

Бабушка задумывается, нашаривая что-то расплывчатое, непонятное. Обычно неподвижные глаза неторопливо высматривают что-то загадочное, видимое одной лишь ей.

Наконец она кивает, и сразу становится как-то мягче. Даже плечи расслабленно округляются.

- Пообещай, что Есения не погибнет, - ставит она условие. – И что ты оставишь ее в покое, когда найдешь свой талисман.

Если он и колеблется, то всего пару мгновений.

- Обещаю.

Бабушка удовлетворенно улыбается. Лишь уголки губ слегка приподнимаются на ее сухом морщинистом лице. Глаза остаются мертвыми.

- Я пыталась искать Есенину по талисману. Совсем недавно почувствовала применение магии, но не смогла пробиться.

- Тогда о чем мы вообще говорим? – сдержанно спрашивает Анджеей. Его терпение балансирует на тонкой грани. - А девочку вы можете найти?

- Девочку?

- Она украла мой талисман. Возможно, он еще не у настоящего вора.

Бабушка требовательно протягивает ладонь.

- Руку.

Анджей медлит всего секунду, перед тем как осторожно протянуть руку. Она неожиданно цепко хватается его за запястье. Ее пальцы теплые и сильные, хоть в самих руках силы не заметно. Кожа на них пергаментная, совсем бледная.

Она закрывает глаза. Под тонкими веками видно, как перекатываются глазные яблоки.

- Девочка – дочь хозяйки маленького кафе у парка. Есения любит в нем бывать, - проносит она с усилием.

- Спасибо, - бросает Анджей, направляясь к выходу.

Бабушка остается неподвижна. Только полуживые пальцы перебирают кружева шали.

- Уже поздно. Скажи Есении, чтобы бросала обижаться и шла домой. – говорит она напоследок.

- Да ни за что! – категорично высказывается Есения, когда Анджей повторяет ей слова бабушки.

- И что ты будешь делать, спать в снегу? Или на скамейке в парке? – поддразнивает он ее.

Есения громко фыркает, выражая негодование. Она не знает, куда девать руки, поэтому неловко засовывает их в карманы. Переноска с кроликом болтается на сгибе локтя. С художественно растопыренными локтями она окончательно превращается в памятник до глубины души обиженному человеку.

- А этот комок меха ты зачем взяла? Так и будем таскаться с ним?

- Миндаля? Он не «комочек меха»! Тебя забыла спросить, брать или не брать, - ошетинивается Есения.

Она демонстративно поглаживает переноску. Миндаль тыкается носом в пластиковую решетку на сумке и пытается обнюхать пальцы. Анджей только молча вздыхает.

- Прости, - смягчается Есения. – Я просто без него не пойду, вот и все.

Она поспешно достает телефон, закрывая тему.

- Девять вечера. Слишком поздно, чтобы идти в кафе, - убито говорит она.

На мгновение в голове мелькает мысль вернуться. Сцепить зубы, извиниться и переночевать дома в тепле и комфорте. Не пришлось бы искать, где просидеть целую ночь. Мерзнуть на холодной улице. Но «как твой отец» звенит в ее голове слишком громко, чтобы простить.

- Но домой я не пойду! – твердо заявляет она.

Анджей кивает, принимая ее слова к сведению и оглядывается, оценивая, где они находятся.

- Агата, рядом, - командует он и направляется к одному из домов. Есении приходится немного пробежаться, чтобы его догнать.

- Куда мы идем?

- Дождаться утра, - лаконично отвечает он.

Анджей ковыряется с чердачным люком целую вечность. По крайней мере, так кажется Есении, которая, нервно переминаясь с ноги на ногу, караулит, не идет ли кто. Наконец, он оглядывается на нее, пряча складной нож.

- Идем.

Есения поднимается на чердак следом за ним. Интерес тут же сменяется разочарованием. Она всегда хотела побывать на чердаке многоквартирного дома, но это оказалось совершенно не впечатляющим зрелищем.

Кирпичные потрескавшиеся стены, заляпанные цементным раствором. Над головой раскидывалось множество деревянных балок. Посередине чердака во всю длину стояли деревянные столбы - опоры, удерживающие крышу. На пыльном полу - пара посеревших от времени тряпок непрезентабельного вида.

Анджей втаскивает вслед за ними Агату, которая пугается, оказываясь в воздухе. Она даже пытается прикусить Анджея за руку, но тут же получает щелчок по морде и бросает эту затею.

Опустив Агату, Анджей переводит дух и, игнорируя грязь, опускается на пол.

Есения оглядывается, осматривая чердак. Видимо, все эмоции написаны у нее на лице, потому что Анджей не удерживается от колкого комментария:

- Домой захотелось?

Внутри все отчаянно протестует, но она все же опускается на грязный пол, вызываясь глядя на Анджея, сидящего напротив. Тот спокойно выдерживает ее взгляд. Ее спина касается холодной опоры, и от этого по всему телу бегут мурашки.

Анджей испытующе молчит. Не дождавшись от нее попытки начать беседу, он закрывает глаза. Агата ложится рядом, устроив морду на его коленях. Ее хриплое дыхание разносится по безмолвному чердаку.

Есения подтягивает колени к груди и обнимает их, прижимаясь подбородком к джинсовой ткани. Сейчас, ночью на чердаке незнакомого дома вместе с полужнакомым человеком, она чувствует себя как никогда одинокой.

В глубине дома что-то шуршит, шелестит. Ветер снаружи прокатывается по крыше с приглушенно-металлическим звуком. На чердаке становится еще темнее.

Телефон высвечивает пропущенный звонок и предупреждение о последних десяти процентах заряда. Бабушка, видимо, надеялась, что уж теперь-то она сдастся. Есения упрямо закусывает губу. Приглушенная злость ноет внутри, распирает, вызывает желание заплакать.

Чтобы отвлечься, она смотрит на Анджея. Спящие люди обычно трогательно беззащитны, но Анджей спит так, будто готов в любую минуту вскочить на ноги. Лицо у него встревоженное, но это единственная уязвимость в его облике.

В вентиляции раздается шорох, и она вздрагивает. Глаза Анджея тут же распахиваются, будто он только этого и ждал. Он сонно моргает, находя ее глазами.

- Дома лучше? – язвит он, тут же переходя в боевой режим.

- Да, - тихо отвечает она.

Взгляд Анджея теплеет на сотую долю градуса Цельсия.

- Первый раз не ночуешь дома? Я и правда на тебя плохо влияю.

- Так заметно?

- Сейчас только десять вечера, а у тебя на лице уже написано «хочу домой».

Есения усмехается, выпрямляя затекшие ноги. Носок ее ботинка почти касается ноги Анджея. Агата наблюдает за этим, не шелохнувшись. Только уши настороженно приподнимаются.

Экран телефона снова освещается. Есения бросает на него быстрый взгляд, но увидев имя контакта, хватает телефон и нажимает «принять вызов».

- Еще не спишь? Прости, что поздно. Как у вас дела? Как бабушка? – стерильным тоном интересуется голос из динамиков телефона.

Есения кусает нижнюю губу, чувствуя привкус крови – треснула. Конечно, бабушка ничего не сказала. Анджей следит за разговором, небрежно наклонив голову.

- У нас все хорошо. Я учусь. Эту неделю только доклады сдаем.

- Ну молодец. Бабушка спит уже? Я хотела раньше позвонить, но на работе замоталась, только сейчас вспомнила.

- Спит.

- Я завтра попробую позвонить тогда, если не буду занята. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, мама, - говорит Есения, прекрасно зная, что завтра ей никто не позвонит.

Когда она нажимает «отбой», в душе еще сильнее расплывается мерзкое ощущение одиночества и предопределенности. Завтра мама снова будет так занята, что забудет о своем обещании позвонить. Так же, как и будет занята всю следующую неделю.

С тех пор, как она уехала учиться в другой город и обрела дар, мама редко появлялась в ее жизни. Случайными телефонными звонками в те моменты, когда она выныривала из водоворота важных дел. Краткими сообщениями, когда молчание уж совсем затягивалось. Учишься хорошо, Есения? Не пропускаешь пары? Дай трубку бабушке.

За ее спиной снова слышатся шорохи, но они не пугают ее так, как этот липкий холод внутри. Именно он заставляет ее встать со своего места и сесть рядом с Анджеем, слегка задев его локтем. Анджей не протестует и не удивляется.

- Ты когда-нибудь чувствовал, что живешь не свою жизнь? – спрашивает Есения.

Анджей хмурится, но отвечает:

- Один раз.

- И что ты сделал?

Он чуть медлит с ответом. В его хриплом голосе прорывается болезненный смешок.

- Ошибку.

Слово повисает в воздухе, и она долго набирается решимости, чтобы продолжить.

- Я тоже хочу сделать какую-нибудь ошибку.

- Устала быть идеальным ребенком? – хмыкает Анджей.

Есения поднимает на него глаза.

- Не называй меня так, - предупреждает она.

Обида на Анджея, на бабушку, на маму перемешивается, скручивается в тугий узел. Ребенок. Они все так считают. Видят ее наивной идеалистичной девочкой, которая до сих пор верит в чудеса и деда Мороза. Но не так-то просто верить, когда люди постоянно вышвыривают тебя из своей жизни. А ты остаешься. И отчаянно стараешься понять, что было не так.

В голову приходит действительно плохая идея, но на фоне коктейля из одиночества, обиды и безысходности это кажется лучшей идеей в мире. Единственная мысль, которая мелькает в ее сознании – «бабушке это не понравится», и это становится решающим аргументом.

Она тянется к нему, но, когда его лицо оказывается совсем близко, внезапно теряет всю смелость, замирая на полпути. Смущение затапливает ее, отрезвляет, и Есения уже хочет отвернуться и извиниться. Но Анджей не дает ей этого сделать.

Его губы оказываются жесткими и требовательными, как и он сам. Она вцепляется в ткань его футболки, сильно-сильно, сама того не замечая. Его руки обжигают поясницу, забираясь под куртку. Подхватывают, усаживают к нему на колени.

Есения этого почти не замечает. Пальцы изучают линию его челюсти, наслаждаясь теплом кожи. Она подается вперед, прижимаясь вплотную. Только согреться. Почувствовать, что она не одна. Его пальцы скользят по ее спине вверх, пока другая рука сжимает бедро. Судорожно. Так на него не похоже.

И она отдергивается, будто обжегшись о пламя.

Анджей не дает ей отодвинуться. Прижимает к себе и, будто в наказание, прикусывает на шее место, где бьется пульс. Его рука ложится на ее шею сзади.

- Уже передумала? – шепчет он.

- Отпусти, - тихо просит Есения.

Он хватает ее волосы. Не больно, но резко. Оттягивает немного вниз, заставляя приподнять подбородок.

- Сделала ошибку? – шипит он, прижимаясь лбом к ее шее и замолкает. И от его молчания ей почему-то почти физически больно.

Его руки разжимаются, позволяя ей уйти. Она вскакивает, поправляя волосы. Анджей тоже встает.

- Агата, ждать, - бросает он, перед тем, как открыть люк и бесшумно соскользнуть вниз.

Ночь проходит беспокойно. Есения долго ждет, что Анджей вернется, несмотря на жгучий стыд, полыхающий в душе. И все же она не выдерживает, засыпая, едва веки случайно смыкаются. Она обнимает колени, все еще ощущая на коже липкое ощущение своей неправоты.

Анджей возвращается посреди ночи, садится рядом со спящей Есенией и долго смотрит в пустоту. Миндаль в сумке беспокойно возится и, судя по звуку, что-то копает.

- Ну чего ты, - ворчит Анджей, подсовывая к сумке палец. Кролик бросается его обнимать, но уже через минуту теряет интерес и продолжает рыть. Пытается сделать подкоп и сбежать?

Анджей шарится по карманам и находит залежавшийся кусок печенья.

- Хорошо, давай договоримся, - терпеливо шепчет он, расстегивая молнию и проталкивая в сумку печенье.

Сумка успокаивается.

Анджей удовлетворенно откидывается на деревянную опору и, повернув голову к Есении, слушает ее дыхание. Уже под утро он тихо прижимается щекой к ее волосам и погружается в тревожный, прерывистый сон.

Он медленно бредет по улице. Колени школьных брюк измазаны землей. Он не видит своего лица, но догадывается, что там ситуация не лучше. Языком чувствует разбитую губу. Боли нет, только легкое покалывание и досада, припорошенная гордостью. Ну и пусть разбитая губа! Те мальчишки уж явно получили больше!

Здание приюта вырастает перед ним неожиданно. Гораздо более мерзкое, чем он помнит. Типовое здание с грязно-желтыми стенами. Кто и когда посчитал, что это может быть красиво? Безликие окна, за которыми бесчисленное множество таких как он – тех, кому остается лишь рычать и бросаться друг на друга.

Никто не рождается злым, и каждый раз, когда его зажимают в углу и избивают, он знает – они мстят. Мстят за то, что в их жизни нет того, чего бы хотелось больше всего на свете. Конечно, это не его вина. Да только выместить отчаяние больше не на ком.

Интересно, сколько ему сейчас? Десять? Двенадцать? И есть ли оно вообще, это *сейчас*?

Он оказывается на крыльце и толкает тяжелую, обитую металлом дверь. Когда она подается, он уже знает, что сейчас увидит.

Потому что внутри – не приют. Внутри – небольшая, кое-как обставленная комната. Чуть кривая, выструганная своими руками деревянная мебель. Угол с двумя сиротливо стоящими иконами. Дрожь охватывает тело. Сердце ноет, словно собирается остановиться. Хочется... даже стыдно об этом думать. Он еще с трех лет знает, что это бесполезно. Никто все равно не придет.

Хочется заплакать.

Прерывистый вдох срывается с его губ, когда он перешагивает порог. Иконы приветствуют его осуждающим взглядом. «Твоя вина», читает он в их нарисованных глазах. «Только твоя».

Он и сам так думает.

Он медленно обходит выщербленный стол, хочет оттянуть момент, но никак не получается. Ком в горле душит его, когда он видит очертания тела и распахнутые, невидящие глаза старика. Он отшатывается, судорожно хватаясь за угол стола.

«Агата», шепчет он, задыхаясь. «Агата!».

Откликаясь на призыв, в его руку тычется жесткая шерсть волчьего загривка.

Анджей вздрагивает и просыпается, смаргивая повисшую на ресницах слезинку.

Глава 5. О тортах, доверии и подарочных детях

Хватка сна разжимается неохотно, но, когда она слышит рядом с ухом ворчание, глаза распахиваются сами. Агата близко, смотрит на нее в упор. Зрачки волчьих глаз то сужаются, то расширяются. Это притягивает взгляд. Гипнотизирует.

- Агата, лежать! – пытается приказать она, но голос предательски подрагивает. Волчица не обращает внимания на ее слова, принохиваясь.

Анджей, стоящий у люка, оборачивается. Его лицо прорезает усмешка.

- Она слушает только своих. Лежать, Агата!

Волчица неохотно подчиняется, укладываясь прямо перед Есенией. Глаз с нее она не сводит.

- Своих?

- Меня. – расшифровывает Анджей.

Есения кивает, не глядя на него. После событий прошедшей ночи смотреть на него тяжело – пальцы холодеют, а щеки мучительно заливают краска. Не нужно было этого делать. Если бы она была благоразумной – как всегда – не было бы этой жуткой неловкости.

Анджей открывает люк и подзывает Агату. Есения встает, отряхивая джинсы и куртку от пыли прошедших десятилетий. Для него будто ничего не произошло. Никакого сожаления о случившемся, ни доли смущения. Все это *настолько* ничего не значило?

Иногда ей хочется понять, как люди могут *такот*носиться к чему-то интимному. Как могут менять парней или девушек десятками. Она просто не может представить себя в такой ситуации, как бы ни пыталась.

На улице идет легкий, пушистый снег. Едва касаясь земли, он растворяется без следа. Первый снег. Есения замирает, подняв голову к серому, уже уставшему несмотря на раннее утро, небу. Крохотная снежинка приземляется ей на кончик носа и тает, оставляя мокрый след. Вместе с ней тают и мысли Есени о произошедшем. Остаются лишь она, мокрые улицы, алеющие осенние деревья и первый снег.

- Идем? – спрашивает Анджей, подходя сбоку. Агата недовольно ворчит, отряхивая лапы, мокрые от встречи с лужей.

- Подожди... только минутку, хорошо?

Есения раскрывает ладони, ловя снежинки. На теплой коже они оставляют капли, стекающие в центр ладоней. Снежинки похожи на те, которые она рисовала в детстве на заснеженных пейзажах. Удивительно правильной формы. Такие красивые. Самые первые. Ей важно было их увидеть. В следующий раз снег уже не будет первым. Он будет чем-то обыденным и приевшимся. Волшебство – оно есть только в начале, в первом впечатлении.

Очнувшись, она стряхивает капли с ладоней. Руки остаются мокрыми и тут же замерзают на пронизывающем ветру, так что она поспешно прячет их в карманы.

- Идем.

Шагая за Анджеем, Есения не без удовольствия думает, что этот первый снег остался в ее душе легкой радостью. Она запомнит его. Даже без фотографии.

До кафе они добираются быстрее, чем ей хотелось бы. Когда на глаза выпрыгивает знакомая вывеска, ей становится тревожно от того, что сейчас может случиться.

Анджей останавливается в двух шагах от двери. Его лицо становится хищным. Есения бросает на него взгляд и тут же опускает глаза. Не столько из-за выражения лица, сколько из-за смущающих воспоминаний.

- Заходи. Не оглядывайся, - шепчет он.

Есения толкает дверь, и та отзывается звоном колокольчиков. Они подходят к стойке, на которой стоит меню. Мягкий запах лаванды от сухостоя окружает их. Анджей выдергивает из кармана телефон и быстро набирает номер.

- Макс, скажи, что это не ты следишь за нами, - отрывисто говорит он.

Тревога разгорается где-то в груди. Глаза Есении чуть расширяются. Она невольно обращается на окна, пытаясь увидеть хоть что-нибудь за закрытыми шторой стеклами.

Анджей кивает – непонятно зачем, видимо, сам себе – и опускает руку с телефоном.

- Нас можно поздравить. Тот, кто похитил талисманы, знает, что мы его ищем, - мрачно говорит он.

Есения смотрит в пол и узор на линолеуме пляшет перед глазами. Впервые с тех пор, как талисман был украден, она испытывает настоящий страх.

- А если это не он?

Это лишь слабая попытка успокоиться.

- О том, где мы, знают только Макс и твоя бабушка. Это не Макс. И я сомневаюсь, что твоя бабушка решила пасти нас в ее состоянии, - ехидно отзывается Анджей.

- Я знаю, знаю, просто... - Есения отворачивается. Ей не хочется объяснять. Тон Анджея совершенно отбивает желание говорить.

Хозяйка подходит к стойке, одаривая их нерадостным взглядом недавно проснувшегося человека.

- Что-то выбрали?

- Ваша дочь украла у меня одну вещь, мне нужно с ней поговорить. Она здесь? – твердо спрашивает Анджей.

Лицо хозяйки медленно вытягивается. Есения за спиной Анджея смущенно дергает собственный рукав. Кто же знал, что он начнет так сразу, в лоб... Хотя, зачем обманывать себя? Она знает этого парня два дня и все, что он делает – абсолютно бесцеремонно.

- М-моя дочь?

- Вы меня слышали.

- Я не совсем вас понимаю... простите, я тут совсем с ног сбилась, с тех пор, как отец пропал... - она осекается. - Я поговорю с дочкой.

В голосе хозяйки звенит неуверенность и подступающая готовность защищать своего ребенка. Есения мягко обходит Анджея.

- Нам хотелось бы поговорить с ней как можно скорее. Разумеется, в вашем присутствии. Не переживайте. Мы не хотим ничего плохого.

Мягкий тон ее голоса действует на хозяйку кафе успокаивающе. Женщина кивает.

- Арина здесь. Подождите пару минут.

Она исчезает в глубине кафе. Есения опирается локтями о стойку. Спиной она чувствует взгляд Анджея, но не может обернуться. Молчание душит. Неловкость гнездится в душе, как большая хищная птица.

Отвлечься получается плохо, но она старательно рассматривает все вокруг. Прямо перед ней небольшая доска объявлений. Мастер-класс по выпечке в четверг. Объявление о пропаже человека – мужчина ушел из дома и не вернулся. Выпечка тортов на заказ.

Есения переводит взгляд на торты на витрине. Они притягивают взгляд, как огонь в темноте манящий к себе мотыльков.

- Хочешь торт? – усмехается Анджей.

Взгляд Есении нехотя отрывается от витрины, хотя она все еще не может заставить себя посмотреть на него. Страшно увидеть в его глазах больше темноты и равнодушия, чем он хотел бы высказать.

- Нет.

Анджей фыркает от смеха. Он ничего не ел с утра, как и она. Да и что было есть, ловить голубей на чердаке? Конечно, Агата могла бы поймать пару, но вряд ли Есения бы оценила. Руки Анджея шарят по карманам и вытаскивают старательно запрятанную купюру.

Девочка, сидящая перед ними, взволнованно болтает ногами, сжавшись под тяжелым взглядом Анджея. Сейчас она кажется еще меньше, чем была тогда, в магазине.

Есения рассматривает ее с долей сочувствия. Совсем ещё ребенок, с крашенными в розовый передними прядями волос и по-детски пухлыми щечками. Рюкзак с брелком-котенком – рядом с ней, на стуле. Видно, что ей неуютно сидеть против двух незнакомых людей, пусть даже и в хорошо знакомом месте.

Хотя девочка и отводит глаза, пару раз Есении удается поймать ее взгляд. Она невольно хмурится. Когда она увидела этого ребенка в первый раз, девочка показалась ей немного другой. Как будто на сладком, сочном фрукте вдруг обнаруживаешь черный участок гнили.

В этот раз, как Есения ни старалась, она не могла этого увидеть.

Хозяйка кафе возвращается, неся тарелку с куском торта. Она садится рядом с дочерью. Настороженность плещется в ее глазах. Тарелка звякает об стол перед Анджеем, прокатываясь по лакированной поверхности. Есения не хочет смотреть в ту сторону, но все же поглядывает краем глаза. Кремовые розочки на торте не отпускают ее. Анджей нарушает тишину, резко двигая тарелку к ней. Звук оказывается неожиданно громким.

- Где то, что ты у меня стащила? – начинает он без предисловий. Есения, не успев оправиться от удивления, вскидывает глаза на него. «Пожалуйста, ну не так резко», - мысленно умоляет она.

- Не давите на ребенка! – вступается хозяйка и нерешительно добавляет, - Арина, то, что они говорят, это правда?

Девочка молчит, как партизанка на допросе. Есения не знает куда деть глаза от неловкости и переводит их на кусок торта. Голод вгрызается в желудок все сильнее.

Анджей бросает на нее взгляд искоса и, выдернув из подставки на столе ложку, со звоном опускает ее рядом с тарелкой.

- Ешь, - отрывисто приказывает он и повышает голос. – Я спрашиваю еще раз: где?!

Девочка вздрагивает, но не отвечает, еще больше опуская подбородок. Хозяйка кафе, встрепенувшись, оживает.

- Так, все! Я поговорю с ней сама! Оставьте мне номер телефона, я вам позвоню! Что у вас пропало?

- Вы не поняли. – В голосе Анджея звенит холодная ярость. – Эта вещь очень важна. Я спрошу последний раз: куда ты это дела?!

Он подается вперед. У Есении чуть не застревает кусок в горле, когда она замечает злую дрожь по его рукам. Не задумываясь, она хватается за локоть. Анджей на вдохе оборачивается. Гнев, бушующий в его глазах, замирает. Но девочке хватает и краткого мгновения угрозы.

- У меня её больше нет! – жалобно говорит она.

В Анджее зажигается огонек торжества.

- Доедай торт, - бросает он Есении, нетерпеливо возвращаясь к девочке. - Кому ты его отдала?

Арина мнется, накручивая на палец розовую прядь. Ее мать барабанит пальцами по столу, буравя ее взглядом.

- Я только принесла его и оставила там! Мне самой этот кулончик не нужен, я его не носила, правда! – признается девочка.

- Оставила где? – мягко спрашивает Есения.

Девочка немного смелеет от ее спокойного тона.

- Тут недалеко. Соседний белый многоэтажный дом, квадратный такой, в котором внутри небольшой дворик. Я там и оставила, под горкой.

- Кто тебе сказал это сделать? – настойчиво спрашивает Анджей. Его поза сочится напряжением. Девочка испуганно замолкает.

- Кто?! – повышает он голос.

Хозяйка кафе вскакивает, потянув ребенка за руку. Ее настороженные глаза под нахмуренными бровями прожигают Анджея.

- Все, хватит! Она уже сказала, где найти вашу вещь! Если ее там не будет – позвоните мне, я разберусь! – сухо обещает она, подталкивая дочь к выходу из комнаты.

Анджей раздраженно откидывается на спинку стула.

- Еще немного, и мы бы все узнали!

- Ну, мы и так что-то узнали. Теперь, у нас есть с чего начать. Всегда можно вернуться и снова попытаться разговорить девочку.

- Да, но мы могли узнать о том, кто крадет талисманы!

Анджей с грохотом опускает кулак на стол. Есения даже не вздрагивает. Почему-то его гнев не пугает ее. Лучше гореть, чем быть потухшим, ловит она себя на мысли. У нее дома никогда не злились – было нельзя. Только молчали, бесконечно молчали, а потом все начиналось с чистого листа.

- Если бы меня не тормозили... - сетует Анджей.

- Если бы тебя не тормозили, ты бы ее и под пытками допрашивать начал, - усмехается Есения.

Она толчком пододвигает к нему тарелку с половинкой куска торта. Анджей отвлекается от своей злости и скептически смотрит на торт.

- Не справляешься?

- Ты тоже ничего не ел сегодня, - говорит Есения тихо.

Анджей закатывает глаза.

- Не первый раз в моей жизни. Я тебе купил.

Упрямый. Есения с улыбкой покачивает головой, принимая его слова к сведению. Неловкость после ночных событий тает. Ей становится спокойнее.

- Ну пожалуйста, - просит она, заглядывая ему в глаза.

И Анджей, привыкший никогда и никому не уступать, чувствует, что в этот раз он сдается.

Прежде чем выйти из кафе, Есения опасливо оглядывается. Анджей беспардонно оттесняет ее и выходит первым. Она фыркает, но тот не реагирует. Делает вид, что не услышал. У него это получается профессионально.

- Пошли!

Он хватает ее за локоть, дергая поводок Агаты, привязанный к дереву. Поводок испуганно повинуется. Неудивительно. Терпение явно не главная добродетель Анджея. Даже не в первых рядах.

Анджей тащит ее за собой, заворачивая за угол. Здесь он на долю секунды прислоняется лопатками к стене, переводя дух, и тут же наклоняется, отцепляя поводок от ошейника Агаты.

Волчица радостно щелкает зубами. По морде видно, насколько ей не понравилось сидеть на поводке.

- Идем? – спрашивает Есения, уже собираясь сделать шаг.

Анджей тормозит ее, сжимая локоть почти до боли.

- Забыла, что за нами следят? Стой пока, - хмуро отзывается он.

- Я не забыла, я... - пытается оправдаться Есения, но Анджеем свистит Агате и исчезает за углом. Есения остается на месте, хмуро скрестив руки на груди. Реальной злости внутри почему-то нет. Даже есть какое-то приятное осознание: ему на нее не совсем наплевать. Таинственная слежка немного пугает, но рядом с Анджеем сложно чувствовать себя в опасности. У него все-таки есть волчица. Настоящая.

Анджей возвращается через пару минут и хватается за локоть снова.

- Давай, быстрее, - говорит он, ускоряя шаг. Есении приходится практически бежать, чтобы успевать – все же он на голову выше, и шаги у него немаленькие.

Первое время она пытается поспевать, но дыхание предательски сбивается уже через десяток шагов. Все же с бегом у нее всегда были неприятные отношения. Когда в школе сдавали нормативы, учитель обычно качал головой, глядя на ее время на секундомере. А потом вздыхал и говорил: «Ну ладно уж, что с тебя взять».

Вообще, Есения и спорт всегда были антонимами. В школе у нее был негласный договор все с тем же незабвенным физруком – во время игры в волейбол она следит за счетом со скамейки. Взамен все игроки и сам физрук остаются целы. Однажды ему чуть не прилетело от нее косо пущенным мячом, так что физрук предпочел больше не рисковать.

- Стой, стой! – пыхтит Есения.

Сумка-переноска с Миндалем тоже добавляет сложностей. Хоть кролик и не тяжелый, но нести его быстро довольно сложно – сумка бьет по ногам. Может, даже синяки останутся.

Анджей оглядывается на нее и замедляет шаг. Хватка на локте чуть ослабевает. «Агата!», - шикает он на волчицу, бегущую впереди, и она возвращается к ним, виновато поджав хвост. Он молча отбирает у нее переноску, закидывая ее на плечо.

Они идут медленнее. Между ними воцаряется молчание, прерываемое только дыханием.

- Слушай, я думаю, мне стоит объяснить... - начинает Есения.

- Не надо.

Лицо Анджея остается бесстрастным.

- Ты же про то, что было на чердаке, да? «То, что было в Вегасе, остается в Вегасе»? – иронично спрашивает он.

- Вообще-то, я хотела за это извиниться.

- За то, что поцеловала? Жаль, это был приятный комплимент.

- Ты язвись, - грустно отмечает она.

Анджей хмыкает. Пальцы на ее локте расслабляются еще немного и сползают ниже, ближе к запястью.

- Мне хотелось сделать что-нибудь... нехарактерное для меня. Я не хотела, чтобы из-за этого теперь было так... неловко.

Она путается в словах, просяще оглядываясь на него. Надеется, что он поймет. Услышит не слова, а то, что она действительно имеет в виду.

- Я понимаю, - откликается Анджеем. – Наверно, надоедает вечно быть хорошей правильной девочкой. Иногда хочется взбунтоваться.

Их шаги совпадают идеально – они идут в ногу в одном темпе. Есения затаивает дыхание. Ей не хочется спугнуть хрупкое равновесие, появившееся между ними.

- Я вот никогда не был правильным ребенком. Ни в детдоме, ни после. Крутился в плохой компании с тех пор, как мелким был, - Анджеем механически усмехается и после паузы неожи-

данно продолжает. – Они были действительно хреновыми людьми, но я считал их друзьями. А за друзей надо стоять до смерти. Так я думал.

- А сейчас не думаешь? – спрашивает Есения полупшепотом.

Телефон Анджея издает стандартное пиликанье. Он тянется, чтобы достать его, но переноска соскальзывает с плеча. Миндаль паникует и скачет внутри. Досадливо покосившись на сумку, Анджей наконец нашаривает телефон и сбрасывает звонок, даже не глянув на экран.

- Сейчас у меня нет друзей. Только знакомые и Агата. Поверь, тех ребят мне хватило.

Его лицо становится жестким, черты заостряются.

- Мы сбежали вместе, и они попытались втянуть меня в свои дела. Типа, мелкий парнишка, ну кто на него подумает. А я не собирался быть их шестеркой. Гордый был. «Мне уже двенадцать, и сам все смогу, без них». Долго потом валялся, по снегу кровь размазывал, - заканчивает он.

Телефон у него звонит снова, но он нетерпеливо сбрасывает.

- Они были старше? – спрашивает Есения, удивляясь своей смелости. Раньше она бы вряд ли решилась так запросто задавать вопросы о его прошлом. Но раз он сам об этом заговорил...

- Да. Года на три-четыре. Но им тоже досталось, - не без гордости говорит Анджей.

- Это было смело.

- Это было глупо, - фыркает Анджей.

- Да, и это тоже.

Анджей беззвучно посмеивается, и у нее на душе становится невероятно легко. Они идут рядом, его рука сжимает ее запястье – не больно, но достаточно крепко.

Хозяйку кафе звали Еленой, и она окончательно уверилась в мысли, что сегодня у нее крайне неудачный день.

С самого утра все шло наперекосяк. Непонятно откуда взявшаяся задолженность по счетам – значит, придется идти и разбираться, откуда это взялось. Порезалась, пока готовила. Для нее это было редчайшим событием. Елена была профессионалом своего дела и нарезала овощи с точностью бывшего хирурга. И все же, что-то пошло не так. День был поистине мистическим.

Но больше всего ее волновало не это.

Она замешивала тесто, с силой налегая на него ладонями, но мысли были совсем не об этом. Как так получилось, что ее дочка, любимая доченька, которая всегда была тихим, послушным ребенком – воровка? Да, переходный возраст, но узнать такое о своем ребенке она не ожидала.

Конечно, если бы Аришу просто обвинили, она бы ни за что не поверила. Да кто угодно мог это сделать, но не ее Арина! Но факт оставался фактом: парень и девушка пришли в ее кафе, потребовали объяснений и Ариша призналась. Призналась, что взяла чужую вещь.

Что делать дальше Елена решительно не знала. После их ухода Ариша не стала с ней разговаривать. Убежала к себе, на второй этаж, где над залом кафе располагалась их небольшая квартирка. Пойти за ней было нельзя, хоть и очень хотелось – рабочий день был в самом разгаре.

Когда за последним посетителем закрылась дверь, она, казалось, должна была бы вздохнуть с облегчением, но нет. Вместо этого на нее навалилось удушающее осознание. Придется подниматься домой. Поговорить с дочерью.

Это ведь ужасно: осознавать, что, возможно, ты не такая хорошая мать, как думала. Протирая столики, Елена тяжело вздохнула, вспоминая, каким послушным ребенком всегда была Ариша. Ей не повезло, и с самого начала она оказалась матерью-одиночкой, но Ариша была настоящим чудом. Подарочный ребенок.

После смерти матери, Аришиной бабушки, Елена перевезла к себе отца. Решила не разрываться на два дома. Отец был довольно крепким мужчиной, но постепенно Елена с дочерью начали замечать его проблемы с памятью. Сначала они списывали это на забывчивость, потом на возраст, но скоро поняли: дело становится серьезнее.

У отца стали случаться провалы в памяти. Бывало, он не мог вспомнить, куда положил какие-то вещи. В последние дни он напугал Аришу, спросив у нее, кто она и что она тут делает.

А потом папа исчез.

Елена поспешно вытерла с полированной столешницы капли слез.

Они обратились в полицию. Расклеивали объявления, просили помощи в интернете, но все было тщетно. Отец не возвращался. Никто не звонил сообщить о его местонахождении. Словно он растворился в воздухе.

Это случилось пару месяцев назад.

Ариша ужасно переживала. По вечерам они усаживались на кровать, Елена обнимала дочь, и Ариша плакала ей в плечо. Она гладила дочь по голове и молчала, боясь, что мысли вырвутся наружу. Ей начало казаться, что отца уже не найдут. Мало ли пропадают людей каждый день? А сколько из них возвращаются домой целыми и невредимыми?

Да, возможно, она и была плохой дочерью, потому что не смогла найти больного отца. Не смогла вернуть его домой. А теперь выясняется, что она была и плохой матерью тоже.

Она закончила с уборкой зала и вернулась на кухню. Поправила пару мелочей. Погасила свет. Нужно было уходить.

К ужину Ариша пришла поздно, когда Елена уже почти прикончила свою тарелку овощного рагу. Ей не хотелось звать дочь два раза. И первый-то дался тяжело.

Ариша, видимо, боялась этого разговора ничуть не меньше. Усевшись, она уперлась взглядом в тарелку и принялась за еду, но не ела – только распиливала вилкой овощи на мелкие кусочки. Ее рука мелко тряслась. Подняв взгляд, Елена увидела, что она плачет.

Она вздохнула и встала со своего места. Подсела к дочери и притянула ее к себе. Ариша мелко тряслась и беззвучно рыдала, а Елена не знала, что ей делать. Разве она не должна провести строгую беседу на тему воровства? Но она просто не могла. Это был ее ребенок. Ее самый любимый ребенок в мире. И сейчас он рыдал ей в плечо.

- Мам, - услышала она взволнованный голос, когда всхлипывания чуть притихли. – Мам, я им соврала.

- Что? – переспросила Елена, не совсем понимая.

- Я не знаю, где их кулон. Я помню, как я держала его в руке... там были косточки на цепочке. Маленькие такие, а цепочка порванная... - Ариша всхлипывает. – Но я не знаю, куда он делся.

- То есть ты его потеряла?

Невинный вопрос спровоцировал новый приступ рыданий. Все, что Елена могла – лишь непонимающе смотреть на дочь, вздрагивающую от рыданий.

- Ариша, - мягко, но настойчиво повторяет она. – Куда ты его дела?

- Я не знаю! Я только знаю, что шла домой из школы... и увидела большую птицу, ну, ястреба... а потом я стою в каком-то переулке и не знаю, где я! Я помню только какие-то обрывки...

Елена потрясенно смотрит на дочь, а Ариша, захлебываясь словами, продолжает:

- Я испугалась, не знала, что говорить. Я же помню, что кулон был у меня... Я сказала им место, где очнулась, потому что не знала, что делать... Мам, что со мной? Я... становлюсь как дедушка, да?

- Ястреба? – тупо повторяет Елена, крепче прижимая к себе дочь.

Глава 6. Об античных статуях, самолетиках и кактусе поимени Абстракционизм

- Да чтоб я еще хоть раз кому-то на слово поверил! – взрывается Анджей.

Есения со вздохом усаживается на подъездную ступеньку, не мешая ему метаться по двору. Миндаль в сумке затихает. Видимо, решил отдохнуть после стольких странствий.

Они укрыты домами со всех сторон, так надежно, что сюда не может прокрасться даже ветер. В тихом дворике, заключенном в коробке панелек, листва деревьев почти не колышется. Впрочем, сейчас ее уже почти не осталось – осень постепенно вступает в свои права. Небольшая детская площадка заросла кленами. Облетевшие пятипалые листья золотят сухую траву. На полуголых ветвях кленов – только невесомые гроздья «самолетиков».

Интересно, зачем вообще клену «самолетики», если они так прочно держатся на дереве? С курса биологии Есения помнит – такая форма нужна семенам, чтобы их разносило ветром. В этом дворике, где нет ни намека на ветер, это явно пустые надежды. Но вряд ли кленовые деревья это понимают.

- Здесь ничего нет. Ни талисмана, ни его следов. Никаких зацепок, – возвращает ее в реальность голос Анджея.

- Ты не чувствуешь, он здесь был? Может, забрали?

- Его здесь не было, – отрезает Анджей. – Девчонка соврала. Идем назад, припррем ее к стенке, и пусть теперь говорит правду.

- Нельзя так, – вздыхает Есения.

- Да мне плевать, можно или нельзя! Я...

Анджей осекается на полуслове, заметив насторожившуюся Агату. Волчица поднимается с земли и упорно принохивается к чему-то. Уши у нее встают торчком.

Он действует быстро. Выхватывает из кармана маленький перочинный ножик и озирается.

- Анджей, ты...

- Тшшш!

Анджей дергает ее за руку, и она торопливо повинуется, поднимаясь со ступеньки. Сумку она притягивает к себе, прижимая обеими руками. Миндаль скребется, не одобряя проявления нежности.

- Будь рядом, – приказывает он.

Агата наклоняет голову. Желтые волчьи глаза настороженно сверлят заросли кленов.

- Выходи! – негромко зовет Анджей. – Мы и так уже поняли, что ты за нами следишь!

Заросли расступаются, являя человеческую фигуру. Агата подбегает ближе и сосредоточенно обнюхивает появившегося человека. Ее хвост приходит в движение, слабо повиливая.

- Приветик, Агата, – говорит незнакомая девушка и треплет волчицу по голове.

Есения во все глаза разглядывает девушку. А посмотреть есть на что. Высокая для девушки, худощавая, с полупрозрачной кожей, словно никогда не видевшей солнца. Это не аристократическая бледность – скорее бледность недавно оправившегося от тяжелой болезни или вернувшегося из мертвых.

Облезшая кожаная куртка висит на ней свободно, как на манекене. Рваные джинсы – Есения не уверена, что так было задумано – покрыты мелкими пятнами грязи. На руках – темные перчатки, несмотря на то, что на улице еще не так уж холодно.

Рассмотрев ее лицо, Есения убеждается – девушка напоминает ей античную статую. Нос с небольшой горбинкой, отдаленно смахивающий на греческий, и множество мелких косичек

усиливают это впечатление. Но с Афродитой она бы ее не сравнила. Скорее, Артемида – ловкая, сильная и беспощадная.

Анджей защелкивает перочинный ножик.

- Напугала. Так это ты пасла нас от кафе?

- Искала тебя и узнала, что вы вдвоем тут тоже по следу идете.

Анджей поднимает брови.

- Искала меня? Зачем?

- Подумала, что вместе будет безопаснее, раз в городе что-то странное происходит. Но, видимо, компанию ты себе уже нашел, - улыбается Алиса и переключается на Есению. – Привет, маленькая. Тебя как зовут?

Есения старается, чтобы лицо не выдало ее раздражения. В конце концов, по годам она, похоже, действительно младше Алисы. И все равно, такое обращение бесило.

- Есения, - отвечает она.

Алиса задумчиво кивает, переводя взгляд на Анджея.

- Кое-что и правда случилось. Ты же знаешь про вора талисманов?

- И у тебя тоже нет талисмана... - вздыхает Анджей. – Есть в этом городе вообще хоть кто-нибудь, у кого осталась магия?

Алиса проигнорировала его реплики и продолжила:

- Сегодня утром на моих глазах с одним магом что-то произошло. Что-то странное. Я думаю, это сделал тот, кто крадет талисманы.

- Почему? – хмурится Есения.

- Это был мой знакомый. Он был в панике. У него пропал талисман, а он жизни без магии не представлял. Уже так к ней привык, что и не помнит, как это – быть просто человеком.

Алиса усмехнулась, но ее усмешка была горькой, и душа Есению моментально откликнулась. Наверно, каждый носитель талисмана мог понять это чувство. Еще вчера ты мог сотворить чудо из ничего, одним прикосновением и усилием воли. А сегодня ты такой же обычный, как и большинство людей.

Чтобы починить шлейку, перегрызенную кроликом, нужно ее зашивать. Чтобы покормить белку в парке – бежать в магазин за орехами. С магией все эти вещи незначительны и решаются в одно мгновение.

Тем, для кого магия уже стала воздухом, должно быть ужасно трудно с этим смириться.

- Он вышел в туалет – мы были в кафе – а потом я увидела, как он уходит. Я побежала за ним, спрашиваю, что за дела, куда это он. А он... - Алиса сделала передышку, чтобы набрать воздуха. – А он меня будто не слышал. И тут я поняла, что что-то не так. Глаза у него были как стеклянные. Я его не узнавала. Я пошла за ним следом.

Анджей напряженно ловил каждое слово.

- И? – нетерпеливо спросил он.

- И тут вам хвалить меня не за что, потому что я потеряла его. Он сел в автобус, я за ним. А там была толпа, и в итоге я проморгала момент, когда он вышел. Знаю только примерный район, - закончила Алиса.

- И это все? – протянул Анджей. Есения едва сдержалась, чтобы не дернуть его за рукав.

- Я принесла вам важную информацию! – притворно оскорбилась Алиса. – А еще свою персону, готовую помогать!

Есения почти увидела, как закатываются глаза у Анджея, хотя этого еще не произошло. Лицо Анджея напряглось.

- Ладно, ладно, - развела руками Алиса. – Есть еще кое-что. Я позвонила другим ребятам-магам. И двое из них мне не ответили. У всех выключен телефон, хотя буквально час назад оба мне звонили.

- Звонили, говоришь? – нахмуривается Анджей. Слово цепляет его, напоминая о чем-то важном.

Он выхватывает телефон и изучает журнал пропущенных звонков. Есения осторожно заглядывает ему через плечо. Звонки, которые Анджей сбрасывал во время их разговора, оказались от Макса.

- Вот черт, - тихо ругается Анджей и отходит к подъезду, прижимая к уху телефон.

Есения остается наедине с Алисой и неловко покачивается, сунув руки в карманы. Алису ситуация несколько не смущает. Она присаживается на корточки и треплет Агату за ушами.

- Ну как ты, малышка? Давно не виделись, а? Такая хорошая девочка!

У Есени на языке вертится примерно миллион вопросов, но что-то мешает их задать. Ей кажется бестактным сходу начать допрашивать незнакомого человека. Но возможность узнать об Анджее хоть что-то, кроме тех крох, что она уже знает, крайне соблазнительна.

Пока Алиса гладит Агату, внутри нее происходит тихая война. Спросить или не стоит? А что, если Анджей разозлится, что она о нем спрашивала? А если Алиса откажется говорить и передаст ему, что Есения им интересуется?

Щеки заливают краска. Лучше промолчать. По крайней мере, это не вызовет недопониманий.

Анджей возвращается через пару минут и выглядит довольно мрачным. Примерно как если бы обнаружил в своем кармане дохлую мышь.

- Макс не отвечает, - сообщает он.

С земли Есения наблюдает, как Алиса взбирается на детскую горку. Даже удивительно, что она каким-то образом ухитрялась так долго за ними следить и оставаться незамеченной. Есения провела с ней не так много времени, но уже начинала подозревать, что где-то внутри Алисы спрятана невероятно мощная батарея.

Она не стояла на месте ни минуты. С тех пор, как Анджей отошел, чтобы обзвонить остальных знакомых, она успела оббежать всю площадку, залезть на турник и повисеть вниз головой. Есения даже немного испугалась, глядя на это зрелище. И вот теперь она штурмовала горку с упорством бывшего скалолаза. Движения у нее были расчетливые, но иногда тяжеловатые. Пару раз они даже казались Есени какими-то рваными. Будто роботизированными.

Пока Алиса бегала туда-сюда, выплескивая неумную энергию, в душе у Есени медленно росло подозрение. Она достала кролика из переноски – пусть немного подышит свежим воздухом – и теперь гладила его по спинке, приобняв. Миндаль, поставив передние лапки ей на плечо, с подозрением дергал носом. Его настораживала улица.

Агата, привязанная поводком к турнику, миролюбиво лежала на земле, уложив морду на лапы. Ее полузакрытые глаза следили за кроликом на руках у Есени, но она еще ни разу не сделала попытку броситься.

Почему все складывается так кстати? Они зашли в тупик – и тут же появляется Алиса с новой зацепкой. А до этого она за ними следила. Откуда она узнала, где их искать? Почему не показала раньше? Она ведь, кажется, подруга Анджея, так почему было не поздороваться сразу?

Не выглядит ли все это чередой очень уж удобных совпадений?

Еще ее мысли занимал Макс. Если Алиса сказала правду, он может быть в опасности. Она видела его всего раз в жизни. Но тот приземистый паренек с виноватой улыбкой, строчками стихов на обрывках бумаги и вороном, названным в честь поэта, просто не заслуживал такой участи. То, что описала Алиса походило на какой-то транс. Значит ли это, что пропавшими

магами управляют? Вряд ли это нужно вору для какого-то доброго дела. Уж кто-кто, а Макс точно не должен стать пешкой в чем-то преступном плане.

Есения изо всех сил надеялась, что Макс прямо сейчас перезвонит и скажет, что просто выходил куда-то и оставил телефон.

- Ты чего такая кислая? – интересуется Алиса, усаживаясь на верху горки.

- Просто задумалась. А какая у тебя способность? – спрашивает Есения, будто невзначай. Вот она, возможность узнать об Алисе побольше!

- Крайне полезная. Чувствую, если где-то есть проходы. Я с детства любила по всяким заброшкам лазать, - усмехается Алиса. – Вообще, у меня такое предположение есть, что способность очень сильно человеку соответствует. Ну, типа, как и его питомец. У многих магов есть питомцы.

- А способность видеть будущее как может соответствовать?

- Ну, не знаю. Может, человек сует нос не в свое дело и вечно хочет все контролировать?

- фыркает Алиса, и тут же спохватывается. – Это же не твоя способность, да?

- Не моя, - отвечает Есения, думая о бабушке.

Возможно, в рассуждениях Алисы и было зерно истины. По крайней мере, в своем предположении она попала в точку.

Интересно, какая способность у Анджея? А какая у нее самой? Всю жизнь она считала своей способностью то, что она делает – мелкие чудеса для помощи другим людям. Но было ли это ее настоящей способностью? Другие маги тоже могли этим заниматься. Делать такие мелочи – не что-то особенное. Значит, у нее может быть что-то еще?

Ее затапливает волна сожаления. Она прижимает Миндаля крепче. Не «может быть», а «было». У нее больше нет талисмана. Нет магии. Было бы лучше уже перестать надеяться, что волшебство чем-то поможет.

- Слушай, а тебе это вообще все надо? – спрашивает Алиса, постукивая тяжелыми ботинками о горку. Что-то в ее манере себя вести было странным, но Есения так и не могла понять что. Было ли дело в ее непонятных, иногда механических движениях?

Есения вопросительно поднимает брови. Кролик недовольно возится, и она, пожалев, спускает его на землю. Поводок шлейки она обматывает вокруг запястья.

- Я про всю эту беготню по городу. Я вас пасу со времен, как вы от Макса вышли. Понимаю, почему по городу носится Анджей... - Алиса выдерживает паузу. – Но не понимаю, почему это делаешь ты. По тебе видно, что у тебя есть дом. Родственники. Учеба, своя комната, все такое. Для чего тебе магия?

Есения задумывается над вопросом, но ответить не успевает. Почувствовав спиной приближение Анджея, она поворачивается и встревоженно смотрит на него.

- Ну как?

- Почти все не отвечают, - отрывисто говорит Анджей.

Со стороны детской горки раздается разочарованный вздох. Алиса переворачивается и ложится на вниз головой, так, что она теперь наполовину лежит на металлическом скате горки.

- Кажется, мы больше не в безопасности, ребята, - протянула она.

Тишина на площадке кажется оглушительной. Есения будто во сне смотрит, как Алиса спускается с горки. Как Анджей присаживается на корточки и почесывает Миндаля за ухом, а кролик встревоженно водит носом, но не убегает.

Кажется, мы больше не в безопасности.

Есения чувствует, как у нее замирает сердце. Когда у нее пропал талисман, вырванный из рук ястребом, ей не было страшно. Когда она увидела Анджея и волчицу, поругалась с бабушкой и сбежала из дома – тоже. Все это казалось ей интересным приключением, чем-то авантурным, бунтарским.

Ей всегда не хватало эмоций. Ощущения новизны в жизни. «День сурка» - вот чего она по-настоящему боялась. Просыпаться каждый день и не находить в жизни ничего нового. Одно и то же, день за днем, пока однажды не дойдешь до могилы.

Искать талисман вместе со странным парнем, которого видишь впервые? Да. Поцеловать его назло бабушке и себе самой? Конечно, почему бы и нет. Что такого может случиться?

Но теперь осознание медленно прокрадывалось в ее разум – то, чем они занимаются, опасно. Люди исчезают. Человек, который это делает – не только вор. Он может оказаться убийцей.

И они могут исчезнуть без следа, так же, как и другие.

Прикосновение к плечу заставляет ее вздрогнуть. Рука, коснувшаяся ее, чуть медлит, но накрывает ее плечо снова. Сжимает его и осторожно двигается незаметными, поглаживающими движениями.

Ей не нужно оглядываться, чтобы понять, что это Анджей. Это осторожное ласковое движение заставляет ее напрячься еще больше. Хорошо, что она стоит к нему спиной. Ей действительно страшно увидеть его глаза, потому что она не знает, что сможет прочитать в них в этот раз.

Миндаль подбегает к ней и настороженно обнюхивает ботинки, встав на задние лапки.

- Что будем делать? – нарушает молчание Алиса.

Рука Анджея остается на плече.

- Завезем Есению домой и подумаем, - твердо говорит он.

Есения неверяще оглядывается на него. Ей ведь не послышалось?

- Расскажешь, как выглядит твой талисман. Я потом верну его тебе. Дашь номер, или приду к тебе домой. Что-нибудь такое, - продолжает Анджей.

- Нет! – восклицает Есения.

- Это и правда может быть опасно, - мягко подтверждает Алиса.

Есения стряхивает руку Анджея с плеча и круто поворачивается к нему.

- Может, вы и думаете, что я ребенок. Но если я буду там, я смогу вам чем-то помочь. И это может оказаться решающим моментом, - яростно отчеканивает она. – Я не собираюсь потом жить, зная, что могла бы быть там и помочь, но сбежала как трусиха!

Анджей набирает воздух, чтобы что-то сказать, но лишь крепче сжимает губы. Его выражение лица становится по-настоящему страшным. Ужаснее всего то, что, если бы Есения не знала его – сурового, хладнокровного Анджея, она бы сказала, что увидела в его глазах невыносимую боль.

- Хорошо, и что тогда? – влезает Алиса.

Есения поворачивается к ней и твердо сообщает:

- Мы поедem к Максу.

- А что насчет девчонки? Она нам соврала. Она знает, куда дела мой талисман, и может вывести на вора! - отмирает Анджей. – Я думаю, нужно начать с нее.

- Но Макс звонил тебе! У него могла быть какая-то зацепка!

Метнувшись взглядом по лицам обоих, Алиса вклинивается в спор.

- Слушайте, мне кажется, и то и другое можно проверить. Просто разделимся и все. Анджей пойдет к Максу. Вдруг он в порядке, и мы зря переживаем. А мы с Есенией поговорим с девочкой.

- Чтобы вы пошли куда-то одни? Да черта с два, - ругается Анджей. – Если люди реально пропадают, то никуда я вас не отпущу.

- Можешь отдать нам Агату, - робко предлагает Есения. – Агата ведь знает Алису, так что проблем не будет.

Анджей качает головой и вздыхает, потирая лицо.

- Ладно. Но с девочкой поговорю я! Мы уже один раз сделали по-твоему и ничего не узнали.

Есения раздумывает над его предложением и мягко наклоняет голову, соглашаясь.

- Хорошо. Тогда мы с Алисой и Агатой едем к Макс.

- Я вас из логова маньяка потом вытаскивать не буду, - хмуро обещает Анджей. – Сами решили разделиться.

Запасной ключ им не пригодился, хоть Анджей и сказал, где его искать. Дверь оказалась приоткрытой. Свет из тонкой, едва видной щели оставлял длинную полосу на полу подъезда.

Как и в прошлый раз, квартира Макса встретила их беспорядком.

Есения откладывает запасной ключ на тумбочку. Она бы не назвала чуть отошедший косяк двери идеальным местом, чтобы хранить запасной ключ. Но это было вполне в духе Макса – хранить вещи в неподходящих местах.

Алиса, присев, неловко дергает вниз молнии на ботинках. Пальцы ее будто не слушаются. Агата не церемонясь сразу проходит в гостиную и плюхается у двери. Как у себя дома.

- Макс? – осторожно зовет Есения.

У нее еще остается робкая надежда, что все не так, как они подумали. Может, уснул и забыл закрыть дверь? Куда-то вышел? Ей хотелось, чтобы все было именно так. Даже если бы пришлось объяснять Макс, как они оказались в его квартире.

Но никто не откликается. Только с кухни доносится хриплое карканье.

Есения проходит по коридору. Кухня оказывается небольшой, плотно уставленной чашками и тарелками. На подоконнике бодро произрастает целый отряд кактусов в разноцветных горшках. На каждом горшке прилеплен лейкопластырь телесного цвета с криво нацарапанными каракулями. Вероятно, именами кактусов.

Ну что ж, кажется, именно этого и следовало ожидать, вздыхает Есения, изучая ярлычки. Особенно ее поразил кактус по имени Абстракционизм.

В этом и правда был какой-то... абстракционизм.

Довольно большую часть кухни занимает птичья клетка с искусственным деревцем. На ветке дерева чинно восседает По, повернув голову вбок. Дверца клетки открыта, но ворон даже не пытается улететь. Видимо, Макс в принципе его не запирал.

- Привет, По!

- Привет, привет, - передразнивает птица. – глупая птица! Глупая птица!

- Что? – спрашивает сбита с толку Есения.

Но ворон не желает отвечать. Он устраивается поудобнее и начинает чистить перья. Есения вздыхает, чувствуя, что больше ничего от птицы не добьется.

В гостиной она присоединяется к Алисе, которая критично оглядывает забитое вещами помещение.

- И ты думаешь, мы здесь что-то найдем?

- Попробуем, - вздыхает Есения. – Может, он оставил что-то важное. Намек или записку.

Они принимаются бродить по комнате. Есения изучает завалы вещей, подбирает многочисленные заметки. Чаще всего они не содержат ничего важного: строчки стихов, домашнее задание к паре или «не забыть!». Есения находит штук пять таких бумажек. Самое интересное, что ни на одной не было указано, что именно «не забыть!». Видимо, Макс предполагал, что вспомнит сам, когда увидит надпись.

Переворачивая бумажку за бумажкой, она пытается успокоить свою совесть. Они не просто так роются в чужих вещах. Они пытаются помочь человеку. Возможно даже спасти ему жизнь.

Так проходит минута за минутой. Глаза у Есении уже начинают слипаться, и она усаживается на пол, просматривая оставшиеся бумажки и блокноты. Алиса разгребаёт диван, облокотившись на него. Открытый ноутбук валяется на сидении, смотря на мир темным экраном. Когда она сдвигает его в сторону, он загорается, требуя пароль. «Блин!», - тихо ругается Алиса.

Есения пытается отвлечь засыпающее сознание какими-нибудь мыслями, но получается плохо. Она думает о том, что Макс очень подходит коллекция кактусов и как бы она назвала свои, если бы они у нее были. Первое место в топе уверенно занимал Валентин Петрович. Непонятно почему. Просто у нее не было никаких сомнений, что ее кактус должны звать именно так.

Но забавные мысли о Валентине Петровиче все чаще начинают вытеснять тревога. Что если они не найдут зацепку? И что с Анджеем? На улице ведь уже темно, а он один, без Агаты...

Она откладывает бумажки. Откидывает голову, прижимаясь затылком к стене, и сонно наблюдает за Алисой, уже бросившей попытки искать и уронившей голову на руки. За Агатой, чьи полужакрытые глаза мерцают в темноте как светлячки в волшебном лесу.

Есения сама не замечает, как засыпает, привалившись к стене в чужой квартире.

Алиса поднимает голову и сонно оглядывается. За окном совсем темно, будто кто-то щелкнул выключателем. Она переводит взгляд на Есению. Ее волосы растрепались, разметались по плечам. Та спит, не обращая внимания на горящий свет. Неловко опираясь левой рукой о пол, Алиса встает и идет на кухню. Губы совсем пересохли – пить хочется невыносимо.

Есения просыпается через две минуты от ее крика: «Вставай, смотри, что нашла!».

Страхивая остатки сна, она вскакивает и бежит на кухню. Алиса – у клетки По. Увидев Есению, она вежливо интересуется:

- Ты на ворону смотрела?

- Да-а, - неуверенно тянет Есения. – И он не ворона, он ворон!

- А в чем семантическая разница? – еще вежливее спрашивает Алиса. – Посмотри еще раз.

Есения встает рядом с ней, приглядывается и тут же понимает, о чем идет речь. В кормушке По лежит свернутый вчетверо лист, наскоро вырванный из тетрадки.

- И как у него это забрать? Хорошая птица, отдай бумажку, - упрашивает Алиса, пытаясь протянуть руку в клетку, но ворон настораживается и щелкает клювом.

- Макс говорил, он может клонуть! – быстро предупреждает Есения.

- Да, я догадалась... - вздыхает Алиса. – Ладно, что там любит эта глупая птица?..

Ворон поворачивает голову набок и хрипло каркает:

- Глупая птица.

- Да, ты! – показывает ему язык Алиса.

Есения тем временем размышляет вслух:

- Макс носит его на предплечье. Может быть...

Она осторожно подставляет руку к открытой дверце клетки. Ворон следит за ней, переступая по жердочке.

- Ну давай, По, - уговаривает Есения.

Ей в голову приходит глупая идея, и она, чуть понизив голос, говорит:

- Ленор!

- Лено-о-ор! – радостно откликается птица

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.